
Павел Марушкин
ДЕТИ НЕПОГОДЫ
1
КАЮКЕР
И
УХАЙДАКЕР
18+

Павел Марушкин

Каюкер и ухайдакер
I. Дети непогоды

«Автор»
2026

Марушкин П. О.

Каюкер и ухайдакер I. Дети непогоды / П. О. Марушкин — «Автор», 2026

Никогда, вы слышите - НИКОГДА не пытайтесь угнать у ведьмы ее любимую летающую ступу!!! Последствия будут фатальны! Ведь у старой Перегниды ампутирована не только нога, но и чувство меры! Хлюпик из племени смоукеров и его приятель Иннот, охотник на монстров, пренебрегли этим правилом; и неисчислимые бедствия рухнули на головы этих балбесов...

© Марушкин П. О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 9
Глава 2 21
Глава 3 30
Глава 4 39
Глава 5 48
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Павел Марушкин
Каюкер и ухайдакер I. Дети непогоды

Название: Дети непогоды
Автор: Павел Марушкин

Пролог

— И всё-таки, согласитесь, это даже забавно: вот так встречаться и беседовать друг с другом высоко над землёй.

Говоривший с улыбкой опустил взгляд. Там, внизу, еле заметные с такой высоты, тянулись тоненькие цепочки огней, сплетаясь в несимметричный узор городских улиц и кварталов.

— Не вижу ничего забавного. Знаете, я бы с большим удовольствием отказался от всяческих выходов в астрал и тому подобной оккультной гимнастики. К сожалению, для меня это самый быстрый способ связи... Хотя и не самый удобный. Сейчас вообще сложное время, вы в курсе — происходит смена зодиака, старые расчёты утрачивают силу, новые ещё не откорректированы, а наши корифеи, как водится, не могут между собой договориться о самых элементарных вещах. Не понимаю, откуда у этих мальчишек такой апломб!

— Мальчишек?

— Я вас умоляю! Самому старшему только-только перевалило за девяносто! По сравнению со мной или с вами они сущие дети!

— Пожалуй, в определённой мере... Однако же — темпус фугит, небесные сферы вращаются помаленьку, так что давайте вернёмся к теме нашей беседы, — говоривший отхлебнул горячего чаю.

Один из собеседников был стар, как само время: длинная седая борода развевалась на ветру, пелерина цвета грозовых туч вздувалась за спиной подобно крыльям. Хищных очертаний зеркальные очки скрывали его глаза, отражая сияние ночного светила — здесь, в десятке километров над городом, зрачок луны мерцал просто ослепительно. Другой, с чашкой в руке, весьма легкомысленно одетый в шорты и футболку, казался совсем молодым; но стоило внимательней вглядеться в его черты, и становилось понятно, что он словно бы вовсе не имеет возраста. Ветер, вовсю трепавший одежды его визави, лишь слегка шевелил прямые русые волосы.

— Как вы знаете, некоторое время назад наши работы по улучшению климата вошли в решающую, я бы даже сказал — судьбоносную стадию, и...

— И как всегда, оказалось, что лучшее — враг хорошего, верно? — насмешливо улыбнулся русоволосый. — Вы затопили огромные территории, согнали с насиженных мест массу племён...

— Да кого волнуют эти голоштанные куки! К тому же мы готовы выплатить всем пострадавшим солидные компенсации; специально на этот случай созданы стратегические запасы стеклянных бус и ярких тканей... Собственно, я не за тем пожаловал, чтобы выслушивать ехидные замечания, коллега! — старец сердито фыркнул и помолчал, словно собираясь с духом. — Беда в том, что не так давно у нас был похищен *известный вам предмет!*

— Не может быть! — поперхнулся русоволосый. — Украсть что-то у *вас*... Я уже не говорю о том, что использовать эту штуку без надлежащей подготовки, мягко говоря, легкомысленно!

— Это ОЧЕНЬ мягко говоря... Стыдно признаться, но вором оказался один из моих воспитанников!

— Хм... Уж не тот ли шустрый паренёк, подававший большие надежды...

— Увы, именно он! К сожалению, пропажа обнаружилась далеко не сразу, и мерзавец успел благополучно смазать пятки.

— Однако же, полагаю, для вас определить местонахождение малолетнего нахала не составляет большого труда. Вы ведь ворожили, не правда ли? Кстати, какой методой вы пользуетесь?

— Гаданием на кофейной гуще, естественно! Я же всё-таки профессионал, — старец приосанился. — И кофе был отменным, мельчайшего помола мокко.

— Так что же?

— Мерзавец двинулся прямиком в Бэби, это несомненно! Но стоило ему оказаться здесь, как он... Пропал. Исчез. Испарился — называйте, как хотите! Суть в том, что его нигде нет. А теперь представьте себе двусмысленность моего положения! Вся гидродинамика в этой части планеты сошла с ума, наши расчёты стремительно устаревают, вскрыты сотни подземных рек — а остановить запущенные глобальные процессы теперь нет никакой возможности! Вы ведь прекрасно понимаете, что это означает!

— О, да...

Снова налетел порыв ветра, настолько сильный, что седовласый невольно заслонился локтем.

— Проклятый ураган! Не понимаю, как это вам удаётся избегать его. Да ещё и распивать чаи с таким видом, словно вы сидите за столом у себя дома!

— Но я действительно некоторым образом нахожусь дома, — улыбнулся его собеседник. — Это всё тот же наш старый спор: вы знаете, что на этой высоте постоянно циркулируют воздушные потоки ураганной силы, и держите это в голове; ну а я попросту не придаю им никакого значения. Собственно, мы с вами оба по-своему правы, всё зависит от точки зрения... Классический вариант парадокса грохманта.

— Парадокс грохманта?

— Ну да, известная притча о грохманте и слепцах: один трогает его за хобот, второй за ногу, третий за хвост, а потом все рассказывают разное...

— Знаете, при всём уважении к вам — безумец, который решил потрогать грохманта за что бы то ни было, вряд ли сможет поведать о своих впечатлениях. Этот зверь отличается прямо-таки феноменальной раздражительностью; а что такое человек против нескольких тонн скверного нрава?

— Духи предков, да я совсем не то имел в виду! Это же чисто умозрительная задача! Нет, иерофант, с вами положительно нельзя беседовать на отвлечённые темы!

— Вы правы, наверное, нельзя... Особенно сейчас, когда я вляпался в такое густое...

— В такую пикантную ситуацию?

— Ценю вашу приверженность изящной словесности! — горько усмехнулся старец.

— Так что вы хотите от меня? Если даже ваших немалых способностей оказалось недостаточно для поисков...

— Войдите же в моё положение! Вы куда ближе моего к источнику неприятностей. У вас же наверняка есть знакомства, связи... Я готов ухватиться за любую соломинку! В конце концов, мы оба знаем, что можно чуть-чуть подтолкнуть ситуацию в желаемом направлении — как правило, вселенские силы смотрят на подобное сквозь пальцы...

— Да? А вы представляете себе, какую волну событий породит один такой толчок? И сколько людей, прямо или косвенно, будет в них вовлечено? Этак у нас получится целый роман!

— Пусть будет так, если нет иного выхода! Пусть будет роман! Да хоть трилогия, побери меня предки! Со множеством приключений, с поединками на крышах и в подземельях, с дикими племенами и отпетыми негодяями! В конце концов, кому-нибудь подобное вполне может прийтись по вкусу!

— А вас не пугает тот факт, что он будет изобиловать сценами насилия, чёрным юмором и ненормативной лексикой? Впрочем, я забыл — ненормативная лексика вряд ли способна вас смутить, иерофант... Ну что же — определённая дерзость ума в подобном решении присутствует...

— Посудите сами, не могу же я лишиться должности из-за такой ерунды! Кое-кто уже сейчас поглядывает на меня косо... Если мне только удастся вернуть похищенное, я буду вашим вечным должником!

— Вот даже как?

— Гм... Не ловите меня на слове! — фыркнул старец. — Скажем... Лет на триста.

— Хорошо, я попытаюсь. Естественно — никаких гарантий; кроме того, процесс может занять довольно долгое время.

— Лишь бы не слишком долгое.

— Я постараюсь ускорить дело, насколько возможно; сие, знаете ли, и в моих интересах тоже. Если Бэбилон начнёт затоплять, это создаст для меня массу проблем. Между прочим, подходит время прощаться; я вижу, пребывание здесь уже начинает причинять вам определённые неудобства.

— Я рассчитываю на вас... Ну так что же, встретимся в следующее полнолуние?

— При всём желании повернуть колесо фортуны так быстро у меня не получится. Возможно...

Старец глубоко вздохнул — и вдруг с невероятной скоростью устремился спиной вперёд в тёмную даль. Казалось, он был привязан к какому-то исполинскому, растянутому до предела резиновому жгуту, который внезапно сократился. Русоволосый улыбнулся возникшей ассоциации, прикрыл глаза... И поставил опустевшую чашку на столик в собственной кухне. За окном на разные голоса страдали коты, уличный фонарь бросал призрачные блики на стену. Над Вавилоном царила ночь.

Глава 1

В этом городе должен быть кто-то ещё.
В этом городе должен быть кто-то живой.
Я знаю, что, когда я увижу его,
Я не узнаю его в лицо.
Но я рад: в этом городе
Есть ещё кто-то живой.
И этот город — это Вавилон,
И мы живём — это Вавилон,
Я слышу голоса, они поют для меня,
Хотя вокруг нас — Вавилон.
Борис Гребенщиков. «Вавилон»

По заболоченной речке, обходя поросшие осокой островки и неспешно рассекая плотный зелёный ковёр ряски, плыло бревно. В самом этом факте не было ничего удивительного: плавучие брёвна в болотах встречаются сплошь и рядом, причем отличить гнилой древесный ствол от гнилого древесного ствола *с очень острыми зубами* зачастую просто не успеваешь. В данном случае, однако, бревно было вполне обыкновенным — ну, разве что, не слишком гнилым и слегка обтёсанным с торца. На мокрой бугристой коре, без каких-либо усилий удерживая равновесие, восседала донельзя странная фигура — тощая, головастая, с угольно-чёрной кожей и густой копной тёмно-зелёных, рыжеватых у корней волос, неопрятной гривой свисающих на спину и плечи. Большую часть лица у этого типа занимал нос — огромный, горбатый и при этом приплюснутый. Маленькие карие глазки под мохнатыми бровями смотрели по сторонам весело и внимательно. Физиономию путешественника украшало несколько крупных, как земляничины, бородавок. За спиной его болтался видавший виды тощий брезентовый рюкзак; вокруг бёдер был небрежно обёрнут клочок выцветшей ткани. По всей видимости, эти два предмета составляли его одежду и имущество — ничего более на импровизированном плавсредстве не имелось. Время от времени путник загребал веслом — явно самодельным, похожим на увеличенную раза в три теннисную ракетку, подправляя курс. Внезапно что-то заинтересовало зеленовласого: он слегка приподнялся, вглядываясь, а через несколько секунд ловким движением снял с поверхности ряски маленький светлый предмет.

— Окурок! — ликующе возвестил путник, улыбаясь во весь рот и едва ли не с нежностью рассматривая находку. — Да, господа, — повстречать в здешних, не побоюсь этого слова, диких и дремучих дебрях подобный предмет, это совсем не то, что встретить его же в городе!

Путешественник, по-видимому, был горазд почесать языком, пускай даже перед воображаемой аудиторией — очевидно, в дороге он находился уже довольно давно.

— Здесь, посреди Великого Леса, этот маленький и, между нами, довольно противный хабарик является не чем иным, как символом цивилизации! — продолжал разоряться он. — Пускай ему не хватает шарма и изысканности, пускай даже сам по себе данный объект символизирует пороки общества... Не, ну до чего же я наблюдательный — это что-то с чем-то, как говаривал старина Гро... Найти окурок в диких джунглях; да ещё посреди болота! Наверняка его выбросили с борта какого-нибудь летающего корабля...

Тут зеленовласый замолк и, слегка подправив веслом курс бревна, вновь зачерпнул горсть ряски. Второй окурок выглядел точь-в-точь так же, как первый — ну разве что был немного длиннее.

— Гм... Тенденция! — глубокомысленно заметил путешественник. — Нет, конечно же, возможно всякое — например, где-то поблизости недавно пролетел ещё один корабль... —

глаза его меж тем внимательно шарили по поверхности болота. — Итак, один — флуктуация, два — тенденция; ну, если попадётся ещё и третий — это уже будет...

Бревно неспешно обогнуло очередной островок — и вошло в целое поле окурков. Они были везде: на поверхности ряски, в воде, на низеньком берегу, даже в складках коры стоявших у болота деревьев.

—...Традиция! — вполголоса завершил свою мысль путешественник. — Похоже, я вновь столкнулся с какой-то местной цивилизацией. Если можно так выразиться.

С этими словами зеленовласый легко поднялся на ноги и, одним прыжком перемахнув на низенький кочковатый берег, замер. Где-то неподалёку сквозь стрекот насекомых и птичье пение пробивался гомон голосов. «Ага», — прошептал путник и осторожно раздвигая ветки, двинулся на шум.

Местное селение и впрямь заслуживало внимания какой-нибудь этнографической экспедиции. Великий Лес, безусловно, необъятен; но вряд ли ещё хоть одно племя селилось в подвязанных к ветвям деревьев здоровенных корзинах! Однако не это заставило зеленовласого удивлённо задрать брови.

В небе над деревней висел... Висела... Висело нечто. Больше всего оно походило на огромную пузатую рыбу, напялившую зачем-то брезентовый мундирчик. На мундирчике красовалась надпись: «BTV. Творческая студия «Зиккурат». Под брюхом рыбы был прикреплён небольшой ярко раскрашенный вагончик, под завязку набитый разнообразным народом. Оттуда, сверху, неслись азартные вопли:

— Панораму! Панораму давай! А теперь аборигенов, аборигенов наплывами!

Из корзин тут и там выглядывали изумленные синие лица — кожа у местных жителей была густо-индиговой. «Рыба» потихоньку снижалась, причём прямиком на один из «домов». Когда от ветки, на которой он висел, до днища вагончика остались считаные метры, живущий в корзине абориген стал проявлять признаки беспокойства.

— Эй! Возьмите левее, что ли, — прокричал он. Но его не услышали.

— Привет! Привет! — верещала какая-то красотка в красном, ослепительно улыбаясь и изо всех сил махая руками.

— Левее! Левее возьмите! — надрывался бедняга, судорожно пытаясь выбраться наружу — его набедренная повязка зацепилась за один из прутьев внутри.

Тут, наконец, днище вагончика задело бок изрядно обветшавшей корзины, послышался треск — и обитатель плетёного жилища здоровенной лягушкой плюхнулся наземь в облаке сена и сорванных листьев. Набедренная повязка, размотавшись, тихонько колыхалась на ветке.

Дверца вагончика распахнулась, и оттуда, пятясь задом, выскочил человек с большущей трескучей штуковиной на плече. Не обращая ни малейшего внимания на толпу, он резво пробежал спиной вперёд несколько шагов. Деревенские попятились.

Вслед за ним выскочила тощая рыжая девица, сжимавшая в руке что-то вроде чёрного гриба. Она всё время держала его так, как будто собиралась откусить кусочек, но вместо этого непрерывно тараторила:

— Итак, уважаемые телезрители, мы с вами сейчас находимся в типичной деревушке типичных аборигенов, и сейчас я, ведущая Дрита, буду брать у них интервью. Надеюсь, в ходе его меня не пригласят на банкет, где я же и буду главным блюдом, ха-ха, шутка, конечно же. Итак, мой первый вопрос к первому участнику нашего маленького шоу: представьтесь, пожалуйста! Как вас зовут? — И она сунула чёрный гриб под нос какому-то пареньку, очумевшему от такого поворота событий. Тот, ничего не соображая, укусил «гриб» за шляпку и тут же скривился, с отвращением выплёвывая поролон.

— Не порть мне технику, урод! — злобно взвизгнула рыжая и огрела несчастного «грибом» по макушке.

В глубине вагончика что-то громко лязгнуло и зашипело. В окошко высунулась голова с выпученными глазами и заорала:

— Ты с ума сошла! Дура! На мне же наушники!

— Камера — стоп! Стоп, камера! — Маленький, но очень энергичный толстячок, размахивая руками, колобком выкатился из дверцы и кругами забегал вокруг рыжей. — Всё переснять! Всё буквально! Дубль! Панораму, ребятушки, дайте мне панораму этого корзиниума! И свет! Свет-свет-свет! Софиты здесь, софиты там! Быстренько, мальчики-девочки! Шевелите булками!

—Во, блин! — уважительно прошептал зеленовласый и, высунувшись из высокой травы, осторожно поманил пальцем укусившего микрофон: — Эй, уважаемый! Можно тебя на минутку?

Юный абориген вздрогнул от неожиданности и подошёл поближе, во все глаза рассматривая незнакомца.

— Ты ещё кто такой?! — с изумлением спросил он.

— Эй, парень, ты украл мой вопрос! — рассмеялся зеленовласый.

— Ничего я не крал! — возмущённо откликнулся абориген. Манера незнакомца разговаривать окончательно сбила его с толку.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал тот. — Я — Куки из племени куки, а ты?

— Хлюпик, — мрачно представился абориген; видно было, что именем своим он не слишком гордится. — Из племени смоукеров, — добавил он, подумав.

— Значит, вы — смоукеры. Никогда о таких не слышал. А что вообще тут есть поблизости?

— Как что? — удивился Хлюпик. — Вон там — река... А вон там — болото.

— Какая река? В смысле, как называется?

— Так и называется: река.

Куки и Хлюпик в затруднении замолчали и уставились друг на друга.

— Ладно, попробуем ещё раз, — сказал, зеленовласый. — Какие-нибудь географические названия ты знаешь?

— Конечно, знаю!

— Ну и..?

— Вавилон! — гордо сказал Хлюпик.

— Очень хорошо, Вавилон. А ещё?

Хлюпик опять недоуменно замолчал.

—То есть ты знаешь, что есть Вавилон; и ещё есть Великий Лес. И... Это всё?

— Э-э... Ну да!

Куки устало закрыл глаза и плюхнулся на траву.

— Кажется, я забрёл в самую что ни на есть глухоманскую глухомань, — пробормотал он.

В Хлюпике проснулся патриотизм.

— Ну, не такая уж здесь и глухомань. У нас в деревне, например, даже приёмник есть... И патефон...

— Вот оно что, приёмник... — протянул, ухмыляясь, Куки. — И он, наверное, даже работает?

— Ну-у... Иногда.

— Ох... Так я и думал. Ты ведь, наверное, э-э, не взрослый? Обряд посвящения ещё не прошел, наверное?

— Это ты о выпускном экзамене?

Куки поперхнулся.

—Так у вас здесь есть школа?!

— Ну, есть. В ней вот и учился... Учусь. — Хлюпик насупился. — А ты сам кто? Кочевник?

— Я-то? — Куки посмотрел на Хлюпика из-под прищуренных век. — Я каюкер. Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Серьёзно?!

—Ты говоришь очень много непонятных слов, — сердито ответил Хлюпик. — Я их и не слышал никогда.

В глазах зеленовласого мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— Скоро вам всем предстоит услышать и запомнить много новых слов, парень. Очень много...

— Почему это?

— Жизнь такая потому что...

— А чего делают каюкеры?

— Как что? Каюк!

— В смысле?

— В смысле — конец. Финиш. End. Понимаешь?

— Не-а...

— Блин! Ну, как бы тебе объяснить... Вот, например, вы живёте, старитесь... А потом наступает каюк. Так ведь?

— Нет. Не так.

Куки долгим взглядом посмотрел на Хлюпика.

— Извини, не понял?

— Да это же любой ребёнок знает! — воскликнул Хлюпик. — Когда жизнь вся прожита, за тобой приходит Амба. Ну то есть обычно она сначала несколько раз снится, а потом уже приходит и уводит за собой.

— Что ещё за Амба?

— Ну, Амба. Высокая такая, красноглазая, в чёрном балахоне, с косой и с трубкой.

Глазки Куки полезли вверх.

— О духи предков! Ещё и с трубкой! Куда я попал...

— А что, у вас разве не так? — дипломатично спросил Хлюпик.

— Слушай сюда, парень. У нас не так. Когда у нас кому-то приходит конец, его кладут в гроб и зарывают в землю... Понимаешь, о чём я? — вдруг спросил Куки с сомнением.

— У нас никто никого не зарывает. Глупости какие! Говорю же, Амба приходит, кому уже срок вышел...

— Н-ну... Может, и так... Кто вас тут знает, в самом деле. Такая глухомань... Да ты не обижайся, парень, — торопливо добавил Куки. — Ты же не виноват, что живёшь здесь. Я как раз такое место и искал, собственно говоря...

— А зачем?

— Ну, видишь ли, это связано с моей работой. Считай, я вроде Амбы. Вот, например, нападёт на какую-нибудь деревеньку монстр — сразу зовут меня. Я прихожу и делаю мерзавцу каюк. Или там надо какой-нибудь городской шишке другую шишку слить... Не понимаешь, да? — расстроенно спросил Куки.

— Нет, почему же. Ты вроде охотника, верно? — ответил Хлюпик, действительно не совсем понимавший, как можно *заказать* и тем более *слить* куда-то шишку.

— Гм... Ну да, вроде того. Только ещё круче. Слушай... — Куки вдруг принюхался. — А чем это от тебя так несёт?

— Это табак! — важно ответил смоукер, после непродолжительных размышлений догадавшийся, о чем идёт речь. — Его курят!

— А тебя дома за это не накажут?

— Если буду мало курить — в конце концов, накажут, — недоумённо пожал плечами Хлюпик.

— Если будешь МАЛО курить?! А мало — это сколько?

— Каждый настоящий смоукер должен выкуривать в день две-три трубки табаку.

— И дети?!

— Нет, что ты, — снисходительно улыбнулся Хлюпик. — До пятого класса — всего по пачке папирос. Куда им больше!

Куки выглядел совершенно несчастным.

— Парень... Скажи, ты меня не разыгрываешь?

— Нет, конечно.

— Ну... Ну тогда давай закурим, что ли...

Хлюпик открыл поясную сумочку, вытащил клочок бумаги и протянул новому знакомому вместе со щепотью табака. Тот, ловко орудуя пальцами, скрутил «козью ногу». Сам Хлюпик набил чилим, чиркнул кресалом, затянулся и дал прикурить Куки. Зеленовласый немедленно закашлялся.

— Ух ты, блин! Крепкий какой!

— Ну, это разве крепкий! — снисходительно усмехнулся Хлюпик. — Вот махорка, которую Деда выращивает, — та да, крепкая. Москитов на лету убивает.

Куки снова затянулся и с уважением посмотрел на Хлюпика.

— Ну табак вы, положим, сами выращиваете. А бумагу откуда берете?

— По-разному... Большой Папа ездит каждый год куда-то и обменивает табак на всякие вещи. Ну и газет привозит на всю деревню. А когда они кончаются, можно старые осиные гнезда в лесу отыскивать и из них бумагу делать. А вообще-то, у нас папиросками только дети балуются или гультяи всякие, у которых трубок нету... — Тут Хлюпик вновь насупился и замолчал.

— Газеты? — оживился Куки. — А что за газеты?

— Обыкновенные газеты. Жёлтенькие.

— Так вы их что же, не читаете даже? — осторожно спросил Куки.

— Ты опять говоришь как-то странно. Читают книгу. А из газеты только самокрутки крутят.

Куки выглядел совершенно сбитым с толку.

— Слушай, а кто у вас самый главный? В племени, в смысле?

— Папа, конечно! Большой Папа!

— Твой папа? Так ты — сын вождя?

— Нет, не мой. Он... — Хлюпик задумался.

Ему вообще-то ни разу не приходил в голову вопрос, почему Большого Папу все зовут именно так.

— Он ваш вождь?

— Нет...

Ну как объяснишь постороннему, кто такой Большой Папа и за что его все так уважают?! Как расскажешь о живущей по соседству злой ведьме (час пути до покосившейся замшелой избушки; да только кто же в здравом уме туда потащится!), которая проклинала деревеньку смоукеров ежевечерне, фактически уже давно по привычке... Проклятий деревенские не боялись. Да — были, были, говорят, времена, когда смоукеры истошно орали «Воздух!» и проворно прятались в корзины, едва завидев над верхушками деревьев знакомый силуэт. Но с тех пор как Большой Папа однажды авторитетно заявил, что правильному смоукеру всякая аэропакость повредить не может, всё изменилось. Всё-таки нет больше в племени таких, как Большой Папа! Кто ещё смог бы сидеть, невозмутимо покуривая трубочку и только ухмыляясь в ответ

на разгневанные вопли, долетавшие с неба?! Перегнида, привыкшая уже к тому, что при её появлении все разбегались и прятались, битый час носилась над посёлком, закладывая виражи над крышей общинного склада и обрушивая страшные свои проклятия на голову Папы. С тех пор вот и уверовали смоукеры во всепобеждающую силу Табачного Духа Никоцианта, вернее, не то чтобы уверовали — скорее, укрепились в вере.

— Он — самый правильный смоукер! — нашёлся, наконец, Хлюпик.

— Вот оно что... Нет, ну надо ж до такого додуматься — жить в корзинках! — с весёлым изумлением вертел головой Куки. — Не могу поверить!

— Чего же тут такого? Правильному смоукеру только в корзине и жить! Удобно, комфортно, и всё всегда под рукой.

— А ежели дождь?

— Подумаешь! У каждой корзины занавесочка есть кожаная, непромокучая. Натянул сверху — и лежи себе, покуривай, пускай дым сквозь плетёную стенку. Хорошо!

— Гм... — Куки задумался.

— А сам ты где жил?

— Много где. Я ведь не сижу на одном месте, а путешествую. А вообще-то, я из Биг Бэби.

— Откуда?

— Из Бэбилона. Или Вавилона, как вы его называете.

— Ну?! — Хлюпик с недоверием уставился на Куки; и в этот самый момент за его спиной раздался голос:

— А пойдите-ка сюда, молодые люди...

Хлюпик вздрогнул и обернулся. В десятке шагов от него стоял Свистоль, главный (и единственный) шаман племени и по совместительству — директор школы, и манил их тонким коричневым пальцем. Юный смоукер сразу почувствовал себя провинившимся. Свистоль обладал таким качеством: вызывать чувство вины у любого своего ученика, пускай даже бывшего. При этом он был совсем не злым и, казалось, искренне переживал, что его неявно, но неизменно стараются избегать.

Хлюпик, понурившись, подошёл к директору.

— Ты не представишь меня своему другу? — вежливо поинтересовался тот.

Хлюпик не знал, как надо «представлять» кого-то: директор тоже иногда говорил непонятными словами. В таких случаях Хлюпик обычно ориентировался на интонацию. Впрочем, Куки с невозмутимым видом уже протягивал Свистолю руку.

— Куки из племени куки. А вы тот самый Большой Папа?

— Нет, что вы. Я всего лишь... — тут он метнул короткий взгляд на Хлюпика, — всего лишь скромный школьный учитель. Не соблаговолишь ли заглянуть ко мне на трубочку табаку?

— Э-э... Вообще-то ваш ученик меня уже угостил, но...

— А мы просто посидим в тенёчке, побеседуем. — И Свистоль увлёк нового знакомого к своему обиталищу.

* * *

Формой Свистолева корзина более всего напоминала здоровенную тыкву. Как и положено жилищу шамана, размещалась она несколько на отшибе. Сквозь прутья стен просвечивало солнце. Куки сморщил нос — всё вокруг было невероятно прокуренным. В корзине уже кто-то сидел, закутавшись в плед и надвинув на глаза камышовую шляпу. Удивительной длины трубку он придерживал сразу и руками, и ступнями ног. Из-под шляпы торчали только пышные седые усы.

— Сейчас табачку набьём, — приговаривал меж тем Свистоль, наполняя из глиняного горшочка здоровенный дымофон. — Эту я специально для гостей держу. Таким манером, ежели не побрезгуешь...

— Да я, собственно, сейчас курить-то не хочу, — растерянно ответил Куки. — Побеседовать — это я с удовольствием, конечно...

— А я вот, грешным делом, дымлю и дымлю... — с этими словами Свистоль чиркнул кресалом.

Чашечка у трубки была такой вместительной, что Куки невольно содрогнулся.

— Я уже заметил, у вас тут все курят почем з... Очень много, я хотел сказать.

— А как же иначе? — Свистоль бесхитростно посмотрел на Куки. — Иначе никак нельзя. Смоукеру никотин нужен как воздух, мы без него не можем. Едим мы мало и редко, да и где её взять, еду-то, в такой глухомани. Вот курево нам заместо еды и идёт...

— Охотиться можно, — сказал Куки.

— Какие из нас охотники! Название одно... Да и не дело это — живность губить.

— Ну вы даёте! Как же вы живёте тогда? Это ж Великий Лес!

— Так и живём, — с достоинством ответил шаман. — Никому не мешаем, но и себя в обиду не дадим, ежели что. Мы, смоукеры, — народ самый правильный. Не то что эти там... — Свистоль махнул рукой, давая понять, что имеет в виду пришельцев. — Вон, помяли кого-то ненароком... Вавилонские, одним словом!

— То-то ваша молодежь там толпится, — тихонько буркнул Куки.

— Так развлечений-то здесь — раз-два и обчёлся. Пускай уж. Опять же, выпускной вечер у них сегодня. А ты, уважаемый, тоже не больно-то рвешься на всё это безобразие пялиться.

— Я и не такое повидал, — усмехнулся Куки. — Теперь тихое место найти хочу, отдохнуть, осмотреться...

— Тихое? Ну так, почитай, тише, чем здесь, и нету. Глухомань кругом на сотню вёрст; а мы — соседи мирные. Тут лет пять назад приходил один... Тоже покоя искал. Отшельник! Нашел место, поселился, живёт. Книгу какую-то пишет. Нет, народ у нас тут хороший...

— А что это вы газет не читаете? — Куки вспомнил Хлюпика.

— А на кой они нам? Ерунду ведь пишут, что ни возьми. Если уж читать, то книги, да и то не всякие. Ежели ты правильный смоукер, так и книги должен правильные читать.

Куки не стал спорить. Чем-то удивительно мирным веяло и от деревни смоукеров, и от них самих. Может, и в самом деле поселиться где-нибудь тут неподалёку, подумал он. Да нет, ерунда. Эти земли вскоре окажутся под водой...

Свистоль пускал к небу дымные колечки, задумчиво прислушиваясь к доносящемуся снаружи шуму.

— Ваш паренёк рассказывал, у вас приёмник есть. Новости, значит, по радио узнаёте?

— Да ну, что это за радио, — засмеялся Свистоль. — Название одно только. Хрипит, свистит, а выкинуть жалко.

— Так вы ничего не знаете о том, что происходит в мире?

— Почему же? Знаем. Раз в год мы на ярмарку ездим, там все новости и узнаём.

— И когда последняя ярмарка была?

— Не помню точно. Месяцев девять, не то десять назад. А что?

— Значит, вы ничего не слышали про Великого Мага Мардуха?

— Великого Мага?! Но ведь в последней Великой Магической они все сгинули!

— Да вот, как видно, не все...

— Только этого нам не хватало! — сердито сказали рядом.

Старичок в камышовой шляпе проснулся и стал набивать свою трубку.

— От этой публики одна морока! Небось, тоже возьмётся перекраивать мир по своему разумению.

— Ну, мы-то народ лесной, все эти кунштюки не про нас, — успокаивающе зевнул Свистоль. — Хотя, конечно, пришествие ещё одного Великого Мага — весть тревожная. А тут ещё эти, с телевидения...

— Вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что это ВСЕ тревожные вести, — усмехнулся Куки.

— Так. Давай уж, выкладывай. — Старичок пристально взглянул на него из-под густых сивых бровей.

— Выкладывать лучше за один раз. Где этот ваш Великий Папа?

— А ты ещё не понял? — старичок хмыкнул в густые усы. — Я и есть Папа. Только не Великий, а Большой. Так меня тут зовут.

— ТУТ зовут?

— Ну да. Тут. Ты ведь тоже не Куки, молодой человек, верно? Я, например, совершенно случайно знаю, что «куки» — общее название для всех лесных племён у вавилонян.

Куки вздрогнул.

— Тебя никто ни о чём не спрашивает, уважаемый, — назидательно сказал Свистоль, наливая гостю холодного чаю из небольшого кувшинчика. — Но и ты таких вопросов не задавай. Так что там у тебя за новость?

Куки отхлебнул из пиалы. Чай был на удивление неплох — цветы и лесные ягоды.

— Началось всё с того, что Великий Маг Мардух...

* * *

Глазеть на телевизионщиков надоело довольно скоро. Хлюпик тихонько забрался в свою корзину, достал кисет и принялся задумчиво вертеть его между пальцами. Эту вещицу подарил ему Пыха, верный друг и товарищ; и, конечно, подарил не пустую — Пыхина семья издавна славилась как одна из лучших в приготовлении самых сладких и ароматных сортов табака.

К семейному дереву, чуть прихрамывая, подошёл дядюшка Бу. Сбросив с плеч охапку свежего сена, он покряхтывая, залез к себе и, судя по долетавшим сквозь листву звукам, занялся старым приёмником. Приёмник, единственный в посёлке, работал от мини-ветряка, самолично дядюшкой сконструированного и собранного (разумеется, после многочисленных консультаций с Большим Папой). Бывало иногда, сквозь вой и треск помех прорывались откуда-то далёкие голоса, звучала странная музыка. Время от времени Большой Папа наведывался в гости к дядюшке Бу и, поджав губы, вслушивался в шумы эфира. Семейство тогда ходило на цыпочках, боясь лишний раз чиркнуть огнивом; ибо уважение к Большому Папе было огромным, а авторитет его — непререкаемым.

Дядюшка сосредоточенно крутил ручку настройки. Шипение и скрежет наполнили листву. Сквозь атмосферные разряды вдруг пробилась незнакомая быстрая речь. Задремавший было с трубкой в зубах Па высунул из корзины голову и с интересом прислушался.

— Понимаешь что-нибудь? — поинтересовался дядюшка.

— Не, — признался Па. — Отдельные слова вроде бы знакомы, а общий смысл не улавливаю.

— С этим Вавилонским радио всегда так, — раздо-садованно сказал дядюшка. — Только Большой Папа способен что-то понять во всей этой каше.

— Вавилонское?! — встрял Хлюпик, напрочь забыв о своём желании быть как можно более незаметным.

— А какое же ещё? Радио, брат, только Вавилонским и бывает. У них там знаешь сколько всего есть...

— Не морочь парню голову. И так полным дураком растёт, — заворчал Па.

— Это ты зря, — вступился за племянника дядюшка Бу. — Голова у парня на месте, а что экзамен завалил — с кем не бывает!

— Двоешник! — возвысил голос отец. — Второгодник!

— Ну и что! — буркнул тихонько Хлюпик. — Уйду вот от вас куда-нибудь...

— От себя не убежишь! — вздохнул мудрый старый дядюшка Бу.

Сквозь треск разрядов вдруг прорвался бодрый мужской голос: «... церемонию положения болта на всё это дело. Болт возлагали от имени всего племени трое старейшин, при этом ... ный конфуз, вызвавший веселье присутствующих. После церемонии гости были приглашены на традиционные обрядовые пляски у костра, где воины племени продемонстрировали своё высокое мастерство во владении оружием. Спонсорами плясок выступили...» Голос ослаб и утонул в помехах. Лампочка на облупленной шкале слабо помаргивала оранжевым.

— Ветер стих, — пояснил дядюшка и закурил. — Только поймаешь что-нибудь интересное...

Хлюпик, тихонько подобравшись к дядюшкиной корзине, заворожённо смотрел на приёмник. Подумать только, Вавилон! Великий город, «маленькая вселенная». Говорят, Большой Папа в молодости побывал там — впрочем, чего только не рассказывают о молодости Большого Папы!

— Болт на кого-то положили, — задумчиво протянул Па. — Интересно, на кого?

— Надо вечером послушать. Вечером всегда приём лучше. Хорошо бы и Свистоля пригласить, может, он разберётся...

— Это дело. Эй, малой, — Па неприязненно поглядел на Хлюпика. — Сделай хоть что-нибудь полезное, сбегай к... Э, ладно, я сам схожу. Позорище какое, смоукер без трубки! — Па вылез наружу.

При слове «трубка» Хлюпик тяжело вздохнул. Чилимы они вырезали вместе с верным другом Пыхой, из полешка тяжёлого и дьявольски твёрдого чёрного роммеля. Замечательная штука этот чилим! Табаку в толстый, сужающийся постепенно к концу цилиндр влазит как в хорошую «козью ногу», а чтобы крошка в горло не попадала — с той стороны, которую берут в рот, вставлен маленький камешек. Удобная вещь и привычная, но с трубкой не сравнить, конечно. Чего стоит хотя бы то снисходительное выражение, появляющееся на лице курильщика трубки всякий раз, когда он вынимает своё сокровище изо рта! Да после такого жеста даже самая распоследняя глупость, произнесённая им, звучит на диво умно и солидно!

Вспомнив про чилим, Хлюпик решительно развязал кисет. Это был старый, испытанный смоукеровский способ преодолеть неприятности: надо выкурить столько, чтобы они перестали иметь какое-либо значение.

Табачок у друга был знатный — чёрный, чуть липковатый, со сложным ароматом. Хлюпик затянулся, привычно подняв толстый конец вверх, чтобы не просыпать табак, и выпустил густой клуб синеватого дыма. Запахи ванили, мёда, лесного костра окутали ветки, потекли сквозь листву. Косые лучи солнца играли в дымных струях, и вместе с ними постепенно уплывало горе — растворялось, делалось блёклым... Хлюпик набрал полные лёгкие горячего, чуть влажного ароматного дыма, помедлил немного — и, широко раскрыв рот, выпустил кольцо. Раз в пять толще обычного, оно медленно кружилось, синеватой медузой опускаясь вниз. Хлюпик принялся усиленно пыхтеть чилимом. Грех это, конечно, — так расходовать хороший табак; однако как здорово из него выдувается всё, что хочешь! Он выпустил ещё одно большое кольцо и тут же прострелил его маленьким — оно пронеслось, вращаясь, и разорвалось на тонкие, прихотливо извивающиеся ленты. Чилим шипел и потрескивал; Хлюпик усиленно втягивал дым, забыв обо всём на свете, — это кольцо должно было стать шедевром!

Слабый полуденный ветерок утих. Замолчали птицы. Слышно было, как отрываются и падают вниз чешуйки коры. Хлюпик осторожно раскрыл рот и медленно, плавно выдохнул — ЕГО. Косматое, серо-сизое чудовище зависло в воздухе, тихонько вращаясь как бы внутри самого себя. Хлюпик во все глаза смотрел на сотворенное чудо. И тогда ЭТО случилось...

Мир остановился. Исчезли все звуки, замерла на лету золотистая пуля жука-бронзовки, застыли в падении сухие кусочки коры... А дымное кольцо уже было не кольцом — воронкой, туманным водоворотом, проколотым острыми бликами света. И оттуда, из этой воронки, звучали слова: «Иди на запад. Иди на северо-запад».

— Кто ты? — хрипло спросил Хлюпик. «Я — это всё».

— О-о! — с благоговением прошептал Хлюпик. Он понял неожиданно, чей голос слышит. Сам Великий Табачный Дух Никоциант говорил с ним! Недаром была такая поговорка в племени: «Табак — это всё».

«Северо-запад. Останови наводнение».

— О... Остановить наводнение?!

«Да. Останови его. Возьми красную звёздочку».

И тут всё исчезло. Голова кружилась, во рту стоял густой никотиновый привкус. Язык жгло. Пережитое совершенно вытеснило горечь и обиду — он чувствовал себя пустым, словно кувшин, из которого разом вылили всю воду. Рассказать Пыхе, подумал юный смоукер, но тут же отверг эту мысль. Он знал, что ответит ему друг: «Ты обкурился, старик».

* * *

Затеял как-то раз Великий Маг Мардух эксперименты с климатом. Зачем ему это надо было? А кто ж его знает! Великий Маг потому и Великий, что замыслов его не понять простым смертным принципиально. Даже обычные волшебники — и те подчас такое выкинут! Взять хотя бы добрую фею Укусинду: вдруг ни с того ни с сего забросила она доброе волшебство, купила по дешёвке куртку-косуху с шипами да бляшками и... А впрочем, ладно: речь сейчас не о ней. Разумеется, волшебнику такого уровня приличествует большой масштаб. В отличие от древних колдунов Севера Мардух вовсе не был злым или жестоким: по прошествии некоторого времени он разослал гонцов к вождям всех близлежащих племён с вестью: мир изменяется, меняйтесь вместе с ним! Тех, кто согласился, обещал Мардух обучить жизни на озёрах да болотах; ну а отказавшиеся вольны были уйти, пока Великое Изменение не началось. Не всё пошло гладко: многие не верили в могущество Мардуха, кое-кто и вовсе о нём не слыхал и счёл гонцов подсыльными от соседей, покушающихся на их земли. А кое-кто поверил и стал готовиться к войне. Но много ли навоюешь против Великого Мага! Никто даже не знал, где он обитает. Шептались: мол, стоит далеко на юге, а может, на севере, высокая башня, но добраться до неё очень сложно. В общем, это скорее сказки, лесной фольклор, так сказать. Но затопление между тем началось: медленно и постепенно меняли направление реки, разливаясь в низинах; пробуждались подземные источники, подтачивая корни вековых деревьев, и на смену павшим гигантам приходили другие, поднявшиеся над водой на воздушных корнях. «Мангры» — назывались они. Мало-помалу расползались болота по Лесу; и те, кто ещё вчера смеялся над слухами, сегодня мог проснуться на клочке суши, окруженном со всех сторон водой.

Такое положение дел пришлось не по нраву многим; и вот несколько колдунов решили организовать движение сопротивления. Разумеется, поодиночке они не представляли для Мардуха никакой опасности, и даже объединённых их сил не хватало на то, чтобы обнаружить его местонахождение, не говоря уж о том, чтобы бросить вызов. Но, как и все волшебники, они были полны решимости попортить своему коллеге кровь, чем и занимались по мере сил и возможностей.

— Значит, мы опять на пороге магической войны. Только этого нам не хватало, — проворчал Большой Папа.

— Да нет, какая там война, — возразил Куки. — Те, кто противостоит Мардуху, — ребята несерьёзные, по крайней мере по сравнению с ним. Это не прежние времена, когда колдуны создавали целые народы, чтобы бросить их в битву.

— И тем не менее спокойной жизни приходит конец, — крякнул Свистоль. — Эх, только мы здесь расслабились...

— Гм... Говорят, что где ты ничего не можешь, там не должен ничего и хотеть. Так что же нам — готовить исход? Отправляться куда подальше, что ли? Там земля другая, и табак на ней хуже растёт, дорога, опять же...

— Поучаствовать в Сопротивлении вы, я вижу, не хотите. — Куки оценивающе посмотрел на двух старцев.

— А ты, молодой человек, выходит, не сам по себе, а эмиссар ихний? — прищурившись, спросил Большой Папа.

— Не угадал, почтеннейший, — Куки усмехнулся. — Я-то как раз сам по себе. Мало ли какие у меня обстоятельства! К тому же я уже говорил: всё это несерьёзно.

— И что? Думаешь, эти болота до нас доберутся?

— Доберутся, пожалуй; скоро ли, нет ли — не знаю. Но вода нынче отменно высокая, это я точно скажу. Поэтому и путешествую верхом на бревне.

— Ну, дела...

Оба почтенных старца задумчиво принялись раскуривать свои трубки. Скоро в корзине повис сизый туман. «И как они до сих пор не померли от своего курева?» — удивился Куки, потихоньку выбираясь на свежий воздух. Под деревом переминался с ноги на ногу Хлюпик.

— Ну чего?!

— Чего — «чего»? — ворчливо переспросил Куки, спрыгивая вниз. — Поговорил я с этим вашим Папой. Забавный вы народ, вот что я скажу! А куда это ты собрался?

За спиной у Хлюпика болталась небольшая плетёная котомка, в руках он держал посох.

— Ухожу вот, — понурившись, сказал Хлюпик. — Экзамена я не сдал, правильного смоукера из меня, как видно, не получится. Я там сидел, смотрел, как эти пришлые суетятся, и вдруг подумал: а не податься ли мне туда, откуда они прилетели? С собой, понятное дело, меня не возьмут, ну ничего. Я и пешком дойду.

— Пешком?! — Куки недоверчиво поглядел на Хлюпика. — В Бэбилон? А ты хоть знаешь, сколько туда топать?

— Надо мне, — упрямо сказал Хлюпик.

— Да что тебе приспичило вдруг? Лес, он знаешь какой? Это у вас тут всё тихо-мирно.

Хлюпик огляделся.

— Видение мне было, — стыдливым шёпотом признался он. — Надо, мол, на северо-запад идти.

— Накурился, что ли, до одури? А на северо-запад тебе зачем?

— Наводнение останавливать. Я ведь подслушал, о чём ты Большому Папе рассказывал. Теперь мне всё понятно стало. Только про звёздочку пока неясно.

— Чушь какую-то мелешь, — Куки устало покачал головой, потом вдруг глянул на Хлюпика и ухмыльнулся. — А знаешь что? Давай-ка отложи свой поход до завтра. Это самое... Вместе пойдём.

— Ух ты! Здорово! Но ты же вроде искал тихое место?

— Раздумал! — Куки скорчил весёлую гримасу и подмигнул. — Я уже достаточно по лесам набродился. Телик охота посмотреть, в ванне вымыться, вобщем — вкусить благ цивилизации. Пора и домой!

— А ты... Точно меня возьмёшь?

— Раз сказал — возьму, значит, возьму. Вдвоём дорога веселее.

С неба послышался вопль. Куки пригнулся и шарахнулся в сторону, складывая пальцы в защитный знак.

— Это Перегнида, — безразлично сказал Хлюпик. — Она не опасная.

Куки задумчиво проводил взглядом ступу.

— Не опасная, говоришь? Я, конечно, не специалист, но, по-моему, это было проклятие второй степени. С такими вещами не шутят!

— А, ерунда. Она нас каждый вечер проклинает, и ничего.

— Странно, — Куки с интересом поглядел на собеседника. — Каждый вечер, говоришь?

— Да, она тут живёт неподалеку. Вечером куда-то улетает, а рано утром возвращается.

— А ты знаешь, где она живет?

— Вон там, — Хлюпик махнул рукой в сторону. — Только туда у нас никто не ходит, как ты понимаешь.

— Понимаю... — Куки загадочно прищурился. — Но знаешь что? Всё когда-нибудь случается в первый раз!

Глава 2

Утром Хлюпик проснулся от того, что кто-то аккуратно вылил на него пригоршню воды. Он подскочил, отплёвываясь. Корзина закачалась. В полумраке над Хлюпиком маячила улыбающаяся физиономия Куки.

— Ты что, совсем?! — зашипел Хлюпик.

— Сам же просил тебя разбудить. А лучше холодной воды для этого ещё ничего не придумано. Я тебя, между прочим, уже пять минут добудиться пытаюсь.

Хлюпик утёрся и помотал головой, приходя в себя.

— Ну что, пойдём? — нетерпеливо спросил Куки.

— Сейчас.

Хлюпик, стараясь не шуметь, скользнул по ветке к родительской корзине и вернулся с каким-то небольшим мешочком в руках.

— Что это у тебя?

— Трубка. Понимаешь, у нас каждому сдавшему экзамен полагается курительный прибор. Я экзамен завалил, но вот думаю — всё равно же ухожу! Почему бы не прихватить трубочку? И вот ещё... Говорят, она волшебная! — Он протянул Куки раскрытую ладонь. На ладони лежала небольшая пятилучевая звёздочка.

Куки осторожно повёл над ней рукой.

— Магии не чувствуется, по крайней мере активной. И всё же аура у неё есть, и довольно мощная.

— А ты в магии разбираешься?! — Хлюпик уважительно посмотрел на спутника.

— Я, брат, много в чём разбираюсь, — небрежно ответил Куки. — Откуда у тебя эта штука?

— А она давно в нашей семье, от прадедушки. Что-то вроде реликвии. Па её вместо застёжки для занавески приспособил. А я это... Ну, понимаешь... — Он чуть замялся. — Мне в видении голос сказал, чтобы я её взял с собой.

Куки недоверчиво покачал головой, но спорить не стал. Они потихоньку спустились вниз. Влажная от росы трава загадочно серебрилась в предрассветном сумраке. Стояла тишина; только где-то в отдалении посвистывала птица. Между деревьями плыла лёгкая туманная дымка.

— Куда мы идём? — несколько растерянно спросил Хлюпик.

Они уже углубились в лес и теперь ступали по мягко пружинящим мхам. Листья деревьев тихонько шелестели, словно шептали чуть слышно.

— Наведаемся в гости к этой вашей злой ведьме, — ухмыльнулся Куки. — Я засёк, в каком направлении она улетела, так что — нам туда.

Хлюпик резко остановился.

— Ты с ума сошёл?!!

— Спокойно, парень. Я же тебе вчера объяснял: до Бэбилона нам пилить и пилить. Надо заполучить какой-нибудь транспорт. Я хотел было с телевизионщиками договориться, но у них и так всё забито. А у этой летуньи ступа, между прочим, двухместная. Как раз нам подходит.

— Ты хочешь угнать ведьмину ступу?! А как... Как ты будешь ею управлять?

— Да сам всё увидишь, — Куки похлопал Хлюпика по плечу. — Главное, не трусь. А с управлением там ничего сложного нет, я уверен.

Хлюпик шёл за своим спутником в сомнениях. С одной стороны, он прекрасно понимал, что они лезут прямо в пасть к чудовищу; с другой — спокойная уверенность Куки заразила и его. Спустя примерно час они вышли к зарослям чёрных коралловых папоротников.

— За этими кустами она и живёт, — тихонько шепнул Хлюпик.

— Отлично. А теперь иди за мной, только тихо. Ступай точно след в след.

Куки пригнулся и скользнул под листья. Хлюпик двинулся за ним, стараясь не отставать. Наконец, папоротники расступились, и взглядам их предстала избушка злой ведьмы.

— Стой здесь, — Куки говорил одними губами. — Я проберусь в гараж.

Рядом с избушкой стоял косматый навес из наваленного на жерди лапника и хвороста. Хлюпик присел и, замирая от ужаса, смотрел, как новый знакомец серой тенью скользнул во мрак. Минут пять ничего не происходило. Вдруг раздался чуть слышный скрежет, и из-под навеса появился Куки. Он пятился задом, с натугой таща что-то огромное. Хлюпик бросился ему на помощь. Вдвоём они выкатили ступу и остановились, тяжело дыша. Хлюпик всё время оглядывался — они стояли всего в нескольких метрах от избушки, прямо напротив двери.

— Значит, так, — вполголоса сказал Куки, — теперь весь фокус в том, сумею ли я её быстро завести. Если сумею, всё ништяк. Но если нет — сам понимаешь...

Хлюпик гулко сглотнул. От страха и возбуждения его начала колотить дрожь. Куки забрался внутрь и возился там, что-то бормоча себе под нос. Внезапно его ухмыляющаяся физиономия появилась над бортом.

— Похоже, разобрался. Давай, залезай.

Хлюпик неуклюже перевалился через край.

— Ну вот, управление стандартное. Видишь эту штуку? Стоит дотронуться до неё, и мы начнём подниматься. А эта вот хреновина отвечает за горизонтальное движение.

— Какое?

— Всё время забываю, что ты деревенский. Горизонтальное — значит прямо полетим, ясно? Ну, жми стартёр.

— Я?!

— Что, страшно? — Куки ухмыльнулся. Хлюпик щёлкнул тумблером; ступа негромко заурчала и затряслась, но не сдвинулась с места.

— С ручника сними, — подсказал Куки. — Ладно, давай я сам...

Юный смоукер перевесился через край и с изумлением наблюдал, как земля дрогнула и медленно поплыла вниз.

— Прекрасно, — удовлетворённо сказал Куки. — А теперь подбавим-ка газку...

В этот миг ступа оглушительно взвыла. Хлюпик взвизгнул от неожиданности и съёжился на дне, зажимая ладонями уши. Куки выругался. Ступа, громогласно вереща, завывая и улюлюкая, набирала ход. Она поднялась уже до уровня крыши, когда дверь избушки распахнулась и на крыльцо выскочила Перегнида в чёрной ночной сорочке с разбросанными по ней весёленькими горошинами черепов и скрещенных костей. Куки резко согнул левую руку в локте и ударил по сгибу ребром ладони правой в традиционном отвращающем жесте, и вовремя — набрав в грудь воздуху, ведьма выкрикнула длинное проклятие. Куки охнул; казалось, ладонь его окунулась на миг в крутой кипяток. В глазах мигнуло багрово, но дело было сделано — отражённое проклятие с визгом ударило в ближайшую бородавчатую сосну. Хвоя на ней мгновенно порыжела и тихим водопадом осыпалась вниз. Несколько дохлых птичек комками упали сверху.

— Ой-ёй-ёй, — тихонько сказал Куки. Пальцы болели, как будто по ним хлестнули с размаху прутом.

Сила, вложенная в проклятие, была такова, что Куки всерьёз засомневался, сможет ли он отразить ещё хотя бы одно. К счастью, ступа уже набрала высоту. Хлюпик вдруг тихо ахнул.

— Ты чего там? — несколько раздражённо спросил Куки, массируя ладонь.

— У неё же ещё метла есть, — с отчаянием прошептал Хлюпик. — Как я мог забыть?!!

— Зато я не забыл, — самодовольно сказал Куки. — Она рядом со ступой стояла, ну, я и подправил там кое-что. Запомни, парень, — настоящий каюкер должен быть внимателен к мелочам, иначе ему самому вскоре настанет каюк.

Вой ступы между тем становился всё тише и тише и наконец смолк совсем. В ушах звенело. Куки перегнулся через край. На полянке внизу Перегнида погрозила им сжатыми кулаками и метнулась под навес.

— Ну-ну, — прошептал Куки.

— А что ты сделал с её метлой? Сломал? — стараясь, чтобы голос не дрожал, спросил Хлюпик.

— Не-а. Я там... — Куки покрутил в воздухе пальцем. — Да ты смотри, сейчас сам всё увидишь!

* * *

Отшельник сидел на камне у входа в свою пещерку и, улыбаясь, скрипел пером. Чуть поодаль в небольшое озерцо уходила леска установленной на рогатке удочки, а над костерком грелась в котелке вода. Отшельник был счастлив. Если бы ему ещё несколько лет назад сказали, что он будет просыпаться до света только затем, чтобы полюбоваться восходом солнца, он лишь брюзгливо покрутил бы пальцем у виска. Тогда Отшельника звали совсем по-другому и жил он ой как далеко от этих благословенных мест. У того человека голова буквально пухла от забот и неприятностей. У него была куча начальников, которые постоянно выражали своё недовольство, была уйма приятелей, все как один — солидные и преуспевающие люди, которые непрерывно учили его, как надо жить, и была куча детей, которым всё время что-то от него требовалось. А жена! А тёща! (Отшельник передёрнулся.)

«...Самые разные способы. Но цель у самок всегда одна — заполучить вас в своё полное и безраздельное подчинение. Начинается всё с малого — надутые губки и укоризненные взгляды, если вам случится задержаться на полчасика после работы, выпить пива с приятелями. Вроде бы мелочь, но это ведь только начало...» — писал он. Чернильница стояла рядом, прикрытая кусочком коры. Время от времени Отшельник снимал его и обмакивал в чернила аккуратно очинённое воронье перо. Трактат, который он писал, назывался «Маммалогическая гегемония, или Власть женщин», и это была отнюдь не та ерунда, которой он занимался, будучи сотрудником одной небольшой вавилонской газетёнки. Нет, это был выстраданный, выросший из тягостных раздумий монументальный труд, который, будучи написан, раскрыл бы людям глаза на самый масштабный и зловещий из всех существующих заговоров — заговор самок.

«С самого раннего детства и до глубокой старости, — писал Отшельник, — мы находимся под их неусыпным надзором, и нет почти никакой возможности из-под него вырваться. При этом вам постоянно внушают, что так и должно быть, что в этом и состоит ваше предназначение — слушаться их, работать на них, жить рядом с ними...»

Откуда-то издалека долетел полный ярости вопль. Отшельник вздрогнул. Перо посадило кляксу на аккуратно написанную страницу. «Ну вот, — огорчённо подумал Отшельник. — Теперь придётся соскабливать».

Он отложил рукопись и прислушался. Вроде бы ничего — обычные звуки леса: щебет птиц, шум листьев...

«Пока вы ребёнок, за вами надзирают родители. Вы постоянно находитесь под прессом материнского внимания, а все попытки бунта решительно пресекаются подстрекаемым ею отцом. «Ты должен принимать участие в воспитании ребёнка», — говорит она, но это всего лишь метафора, включающая репрессивный аппарат, в который превращают эти слова её супруга. И вот вы уже сами отец, и теми же самыми словами ваша жена заставляет вас охаживать ремнём орущее чадо. Порочный круг, вращаясь в котором...»

Отшельник оторвался от рукописи. Что-то определённо происходило: где-то вдалеке возник тонкий пронзительный свист и, стремительно нарастая, стал приближаться. Верхушки деревьев зашумели, пригибаясь, и некая тёмная масса с леденящим душу воплем, в вихре сломанных веток рухнула в озеро в нескольких шагах от Отшельника. Он вскочил, судорожно прижимая к груди рукопись. Из взбаламученных вод поднялось НЕЧТО. Это был воплощён-

ный ночной кошмар, овеществлённый Заговор Самок собственной персоной! Перед ним, сжимая в костлявых руках обломок палки, стояла самая жуткая из всех виденных представительниц противоположного пола, лицом живо напомнившая Отшельнику его тёщу. Страшилище сплюнуло тину. Отшельник понял, что сейчас случится нечто ужасное. Он неспешно наклонялся, мучительно долго сгибая колени и продавливая тело сквозь ставший вдруг густым и упругим воздух, невероятно медленно отталкивался от земли и летел головой вперёд сквозь сплетение веток. «Только бы не сломать ногу», — мелькнула мысль. Опомнился он не скоро. Сердце бухало кузнечным молотом, спина была мокрой от пота, а вокруг расстилался незнакомый лес...

Перегнида в раздражении отшвырнула сломанную метлу. С того самого мига, как та сорвалась в штопор, она пребывала в ошеломлении. Неизвестные негодяи перехитрили её! Этого просто не могло быть! Вместо того чтобы в мгновение ока догнать мерзавцев, метла со страшной скоростью взмыла почти вертикально вверх и, описав крутую параболу, врезалась в землю. Хорошо ещё, что подвернулся этот пруд. Ведьма хрипло выругалась. Зло сорвать было не на ком — встреченный дикарь пулей бросился в кусты буквально за полсекунды до того, как её проклятие ударило в то место, где он только что стоял. Теперь там исходила вонючим дымом глубокая воронка. Перегнида разломала в мелкие щепки удочку, пнула ногой котелок и, сотрясая воздух проклятиями, похромала к себе домой.

* * *

— Как мы её! Блин! Да! Ох, как мы её! — Хлюпик подпрыгивал и потрясал кулачками, раскачивая ступу.

— Не мы, а я, — поправил его ухмыляющийся Куки.

— Как она! Пижжжуух! Бдыщщщщ! — Хлюпик ещё долго не мог прийти в себя.

Внизу неторопливо проплывали верхушки деревьев. Ступа шла на высоте птичьего полёта, и стайка любопытных сорок некоторое время держалась рядом, оживлённо обсуждая аэронавтов на своём птичьем языке.

— Покури лучше, — сказал Куки. — Тебе надо немножко успокоиться.

— Так вот как вы, городские, обделываете дела, — Хлюпик судорожно затягивался.

Табак в чашке небольшой трубочки чуть слышно шипел, выбрасывая облачка дыма, уносимые тут же ветром.

— Бывает и так, — Куки всматривался вдаль.

Он обладал каким-то неведомым Хлюпику чувством направления и, казалось, точно знал, куда надо править.

— А бывает и иначе. Знаешь, есть такая легенда: раньше над воротами Бэбилона была прибита доска с надписью: «Не думай, что ты самый умный; здесь все такие». Так что, приедем в город — держи ухо востро. Я тебя, конечно, первое время поддержу, объясню, чего и как, но дальше ты должен будешь сам за собой присматривать. Главное — не робей, будь понаглее. Там иначе нельзя.

— Ничего, справлюсь, — Хлюпик шмыгнул носом.

— Я тоже так думаю. Только ты вот что: смени-ка, друг, имя!

— Зачем?

— Ну как бы это тебе объяснить... Ваши лесные имена — они как бы отображают вашу суть. А в городе, наоборот, все стараются её скрыть, все хотят выглядеть круче, чем они есть на самом деле. Сечёшь? Так что придумай что-нибудь этакое, лучше всего короткое и хорошо запоминающееся.

Хлюпик подумал.

— А что, если я назовусь Хлю? И коротко, и запоминать долго не придётся.

— Хлю? Хлю... — Куки хмыкнул. — А что, неплохо. Даже здорово, если честно — главное, вовремя остановиться, выговаривая. Вот видишь, башка варит! Я же говорил, что ты парень не промах!

Хлюпик смущённо заулыбался, тиская в руках коробочку. Там что-то позвякивало.

— Что это у тебя? — поинтересовался Куки.

Он удобно расположился на своём рюкзаке, закинув ногу на ногу и сцепив пальцы на колене; управление ступой, как оказалось, не требует постоянного внимания.

— Это тот самый талисман, что я стырил из дома, — Хлюпик открыл коробочку и протянул своему спутнику.

Солнце уже взошло, и Куки взял вещицу, чтобы внимательно её рассмотреть. Это была довольно массивная пятиконечная звёздочка из непонятного материала — не дерево и не кость, но что-то вроде этого, тёмно-красного цвета. Концы всех лучей были слегка скруглены, а в центре располагалась ограниченная тонким ободком окружность. При ярком свете она казалась непроницаемо-чёрной, но стоило слегка наклонить талисман, как чернота обретала глубину, мутно-зеленоватую, словно кошачий зрачок.

— Вещь явно волшебная, это и дураку ясно. Говоришь, она у тебя от дедушки?

— От прадедушки.

— Значит, это может быть какой-нибудь талисман времён Великих Магических Войн. Скорее всего, уже потерявший силу, но тем не менее... Надо бы узнать наверняка. Приедем в Бэбилон — покажешь её специалисту. У меня есть один знакомый волшебник, он должен разбираться в таких штуках.

— Слушай, а ты сам, часом, не...

— Ну что ты! Я, конечно, кое-что понимаю в магии, но совсем немного. В рамках профессии, так сказать. Вот увидишь настоящих спецов и поймёшь разницу.

— Кстати! А долго нам лететь?

— Не скажу точно. Скорость у этой штуки довольно приличная, так что, думаю — один-два дня.

— Ух ты! А пешком?

— Ну, это как идти! Прямых дорог в Лесу не бывает, сам понимаешь. Может — месяц, может — два или три... Одно слово — джунгли.

— Ого!

— А ты думал! Я же не зря говорил — путь опасный. То ли дело сейчас! Летишь себе, облачка кру-гом... — Куки лениво приподнялся и оглядел горизонт. — Эй, Хлю!

— А? — Хлюпик открыл глаза. Он уже почти было задремал.

— Посмотри-ка вон туда.

Хлюпик высунулся из-за края ступы. Внизу расстилался ковёр Великого Леса. Тёмно-зелёный, с редкими бордовыми и коричневыми островками прямо под ступой, он чем дальше, тем становился светлее и прозрачнее, пока, наконец, не сливался в голубоватой дымке с горизонтом. У самой его кромки парили невесомые округлые облачка. Хлюпик перевёл взгляд левее и вздрогнул. Словно огромный белесый гриб вырос вдруг из мшистого ковра. Столб слегка колебался, вздрагивая и покачиваясь, ветер срывал с его верхушки клочья светлого тяжёлого пара.

— Что это?!

Куки долго молчал.

— Гейзер, — сказал он наконец.

— Гейзер?

— Никогда не слышал? Это как раз то, о чём я говорил: вскрылась подземная река, и столб воды под давлением рвётся на поверхность.

Хлюпик зачарованно смотрел на необычное зрелище. До него только сейчас стало доходить: всё, сказанное о Великом Маге, — правда. До сих пор он не слишком задумывался, каким образом сможет остановить наступление болот, и сейчас, глядя на колоссальную мощь проснувшейся стихии, спрашивал себя — неужели он действительно осмелится бросить вызов силе столь неодолимой? Неужели он, Хлюпик, слабак и недоучка, сможет хоть что-то сделать против неё? До него внезапно дошло, что старая жизнь закончилась — закончилась в тот миг, когда он прыгнул в ведьмину ступу. До этого момента всё ещё можно было повернуть в привычное русло; после — уже нельзя. Теперь начина-лась новая жизнь, полная неведомых опасностей и приключений.

Куки, похоже, понимал овладевшие Хлюпиком чувства. Он тихонько хлопнул его по спине.

— Прорвёмся, смоукер...

И Хлюпик эхом повторил:

— Прорвёмся...

Ступа, чуть покачиваясь, словно поплавок в водах реки, двигалась на северо-запад. Где-то позади поднялся в воздух и лёг на тот же курс дирижабль телекомпании; а впереди, за туманным горизонтом, вились похожие на барашков облака.

* * *

Хлюпик проснулся от удара грома и некоторое время хлопал глазами, пытаясь понять, где он находится. Становилось зябко. Небо больше не было безмятежно-голубым: справа и слева громоздились похожие на горы облака цвета охры. Где-то в глубине их ворочался гром. Хлюпик взглянул на своего приятеля. Куки стоял, вцепившись в борта, и напряжённо вглядывался вдаль.

Хлюпик прокашлялся:

— Дождь собирается?

—Дождь-то ладно! Похоже, на нас идёт неслабая гроза. Видишь? — Куки показал на облако в форме наковальни.

Просвеченное низким солнцем, золотисто-косматое, оно возвышалось над миром. Небо позади него приобрело какой-то зловещий желтовато-бурый оттенок.

— А ты хорош спать! Весь день, почитай, продрых!

— Что, уже вечер? — удивился Хлюпик

— Ну да.

— Это, наверное, потому что я перенервничал. У меня так бывает.

— Правда? А мне обычно на нервной почве жрать хочется, — удивился Куки.

— Слушай, а летать в грозу не опасно?

— Опасно, конечно... Я, собственно, ищу место для посадки. Пока ничего не попадается.

Хлюпик взглянул вниз. Ступа шла над болотами — тысячи мелких речек, ручейков, озёр раскинулись там, сплетаясь в подобие паутины. Кое-где прямо из воды торчали деревья.

— А что тебя смущает? Давай сядем на один из островов.

— Понимаешь, они все очень низкие. Я тут немного спустился и посмотрел — сплошное болото. А гроза наверняка поднимет уровень воды. Я боюсь, нас просто затопит.

— А ступа разве не плавает?

— Не знаю. Честно говоря, мне проверять не хочется. Давай-ка высматривай что-нибудь повыше с правого борта, а я буду смотреть с левого.

— Может, снизимся немного?

Куки покачал головой.

— Сверху дальше видно.

Хлюпик во все глаза уставился вниз, время от времени бросая опасливые взгляды на тучу. Она занимала уже полнеба. Раскаты грома рокотали почти каждую минуту. Ветер усилился,

и Хлюпик обхватил себя руками. В лесу ему никогда не требовалось ничего, кроме набедренной повязки, — в случае дождя все смоукеры прятались в корзинах, а жаркое солнце быстро высушивало влагу.

— Я совершенно не узнаю местность, вот в чём беда! — крикнул Куки. Гром теперь грохотал почти непрерывно, и приходилось повышать голос, чтобы расслышать друг друга.

— Я думал, ты знаешь дорогу!

— Я могу примерно определить направление, в котором нам нужно лететь. Но никаких знакомых примет не осталось. Видишь там блеск вдалеке? Похоже на разлив большой реки. Если это Камелеопард, то мы близко к цели.

— Каме... Что?

— Бэбилон стоит меж двух великих рек: Камелеопарда и Строфокамила. Ты случайно не географию завалил на своём экзамене?

Хлюпик что-то невнятно буркнул; в этот момент порыв ледяного ветра так сильно качнул ступу, что оба аэронавта повалились на дно.

— Ого! — сказал Куки. — Вот это мне уже не нравится. Сейчас пойдём на снижение!

— Слезь с меня! — пропыхтел Хлюпик.

Ступу болтало из стороны в сторону. Куки, бормоча проклятия, пытался справиться с управлением. Хлюпик раскорячился на дне, упершись ногами в противоположную стенку. Внезапно совсем рядом сверкнула молния. Гром был ужасен; казалось — рушатся горы. Ступа вдруг резко провалилась на несколько десятков метров — Хлюпик взвыл от тошнотворного ощущения в животе — и кое-как выровнялась над самыми верхушками деревьев. Порывы ветра следовали один за другим; кроны шумели и сгибались под их напором. Вихрь сорванных листьев внезапно окутал ступу, залепив Куки на миг глаза и рот.

— Садимся! Лететь слишком опасно! — прокричал Хлюпик.

— Я пытаюсь!

Ступа неслась, задевая за ветки. Внезапно впереди сверкнула водная гладь.

— Держись! — закричал Куки.

Хлюпик изо всех сил, аж костяшки побелели, вцепился пальцами в борта. Они летели всё ниже и ниже и, наконец, коснулись воды. Брызги веером разлетелись из-под днища. Ступа запрыгала по воде, как камень-блинчик, и, наконец, остановилась, зачерпнув напоследок через край. Потоки воды обрушились на Хлюпика и Куки.

— А всё-таки она плавает, — нарушил молчание Куки. — Никогда бы не подумал — такая тяжёлая!

Ступа, погрузившись почти на две трети, тяжко покачивалась. Хлюпик вздохнул и начал ладонями вычерпывать со дна воду. Куки без особой надежды потянул какой-то рычаг. Ступа медленно и неуверенно заскользила вперёд.

— Ого! Получается, — удивился Куки.

В этот момент хлынул ливень. Тяжёлые струи забарабанили по головам, больно хлестнули по плечам, взъерошили воду. Весь мир моментально стал серым и расплывчатым, словно акварельный рисунок на влажном шёлке.

— Правь к берегу! — сказал Хлюпик. — А то сейчас утонем.

— Кстати, ты плавать умеешь? — поинтересовался Куки.

— Конечно. У нас же речка под боком. А ты?

— А как же!

Ступа ткнулась в низкий болотистый берег. Увязая по щиколотку, приятели с трудом выкатили её на относительно твёрдую почву — там сплетались узловатые корни незнакомых Хлюпику корявых деревьев, и без сил повалились рядом.

— Однако надо бы спрятаться от дождя, — пробормотал через некоторое время Куки и встал. — Эй, Хлю, помогай!

Тяжело пыхтя, они перевернули ступу и забрались под неё. Куки подложил под край несколько палок, так, чтобы оставался проход для воздуха. Хлюпика била крупная дрожь.

— Отожми свои тряпки, — посоветовал Куки. — Сейчас согреемся.

Он принялся копаться в заплечном мешке. На свет появились какие-то странные штуковины. Куки протянул Хлюпику плоскую, толстого стекла флягу в затейливой кожаной оплётке.

— Вот, хлебни.

— Это что, ром? — Хлюпик откупорил сосуд (пробка повисла на ремешке), недоверчиво понюхал и сморщился — резкий запах обжёг носоглотку.

— Ром? Лучше! Это ректификованный винный спирт высокой очистки. Один глоток — и ты будешь в полном порядке.

— Ну, если высокой очистки, — пробормотал Хлюпик, с интересом осмотрел флягу и глотнул.

В узком пространстве вопль прозвучал просто оглушительно. Смоукер подпрыгнул, ударился макушкой в днище ступы и ошеломленно замотал головой, сипло кашляя. Куки только посмеивался.

— А почему, ты думаешь, там что-то сохранилось после стольких дней пути? Как раз поэтому — много не выпьешь...

Отдышавшись, Хлюпик вернул Куки фляжку. Тот тоже сделал глоток, крякнул и убрал её подальше.

— Ну, как себя чувствуешь?

— Кошмарно! Словно жидкого огня глотнул, — Хлюпик всё не мог прийти в себя. — Предупреждать надо!

— Ну, извини, — Куки шутливо развёл руками.

— И какие у нас теперь планы?

— Планы остались прежними — кончится гроза, и мы продолжим путь. А пока можно вздремнуть или сыграть во что-нибудь. Знаешь какие-нибудь игры? У меня карты есть.

— Давай лучше рассказывать истории.

— Кто первый?

— Может, ты? Ты же много путешествовал.

— Давай тогда тянуть жребий, — Куки нашарил под ногами несколько веточек и протянул Хлюпику кулак. Тот вытащил короткую и вздохнул.

— Ну ладно. Есть в нашей семье одна легенда...

* * *

Перегнида пинком распахнула дверцу избушки, ввалилась внутрь и тяжело рухнула на кровать, громко лязгнув своими изумительными вставными зубами. Сил не оставалось даже на то, чтобы выругаться. Чёрный кот, зная, что хозяйке, когда она в таком состоянии, лучше не попадаться под руку, тихонько скрылся под креслом. Перегнида лежала, молча таращась в прокопчённые потолочные балки, увешанные пучками трав и переплетённые паутиной. Ночью по ней ползали маленькие светящиеся паучки, бусинами разноцветных огоньков рассекая темноту.

За окном шумел ветер. Изредка что-то стучало по крыше — бородавчатые сосны роняли созревшие шишки. Быстро темнело. Небо заволакивали облака. «Будет дождь», — подумала Перегнида. В других обстоятельствах она бы развеяла их или, наоборот, заставила бы сгущаться над избушкой, пока не хлынет ливень, — просто для того чтобы напомнить себе (и всем вокруг), что такое настоящая ведьма.

«Надо где-то разжиться помелом. Лучше бы, конечно, хорошей быстроходной ступой... С подвесными ракетами... Но это, увы, нереально. Значит, помело. И оно нужно мне не далее как завтра». Перегнида дотянулась пальцами до кнопки сброса на бедре и отстегнула костяной протез. Не глядя, она запустила в него руку и вытащила круглое зеркальце в плетёной

кожаной рамке. Скороговоркой пробормотала заклинание. Поверхность зеркала затуманилась, потом по ней поплыли зеленоватые разводы. Изображение сфокусировалось, и зеркальце показало украденную ступу — та стояла, перевернутая, на каком-то островке. В висках стало покалывать. Перегнида хмыкнула. «Далеко забрались, мерзавцы. Ну, ничего. Вы двое скоро узнаете, что это такое — месть ведьмы. А для начала вот вам сюрприз». Перегнида нахмурилась, сосредоточенно уставившись в полированную гладь. Ракурс сместился, изображение потемнело, и, наконец, зеркальце показало чёрные, колышущиеся водоросли. Ведьма закрыла глаза. Она была мастером своего дела, но выполнять глубинный поиск в таком жутком состоянии ей приходилось впервые. Вот её сознания коснулось нечто... Нечто очень простое. Слишком простое и слишком маленькое для задуманного. Она расширилось, расплылось по воде... Это было уже и не она вовсе, просто вода... Река... Ничего... Ничего? Нет, что-то есть... Она вновь собралось, стекаясь к одной точке... Да! Это было то, что надо. Вполне функциональное. Как-то даже слишком. Рептилия? Очень, очень похоже... Только ничего лишнего, никаких выкрутасов... Попробуем? Оп-ля! Ничего себе! Задать вектор проще простого. А стимул... Перегнида злорадно усмехнулась и лёгким усилием воли вызвала у твари приступ голода. Та недовольно зашевелилась, задвигалась в толще воды. «Что же это такое? — подумала ведьма. — Уж больно легко им управлять. Словно специально для этого и предназначен. Неужели я подцепила какую-то тварь времён Второй Магической? Интересно...» Существо неторопливо поднималось на поверхность. Перегнида чувствовала, как в ушах гулко пульсирует кровь. Во рту стоял противный медный привкус. «Слишком маленький пси-коэффициент у моего зеркальца. Надо было взять другое. Дура». Она ещё успела увидеть островок глазами существа, а потом с коротким болезненным уколом связь прервалась. Перегнида выругалась. Она так и не успела настроить разум чудовища на конкретную цель. Ну и фиг с ним. Может, и сделанного хватит. Посмотрим.

Изображение в зеркальце меж тем свернулось в линию, линия превратилась в точку и погасла. Ведьма отложила колдовской инструмент и позволила себе расслабиться. Облака сна тут же окутали её. Жалобно поскрипывала на ветру не до конца закрытая дверь. Кот высунул голову из-под кресла. Да, старушенция явно не в духе... Впрочем, кот не мог себе представить кого-нибудь — человека или зверя, способного нарушить покой его хозяйки. Настолько сумасшедшие существа просто не обитали поблизости.

***

Армадилл поднялся к поверхности воды и приоткрыл клапаны ноздрей. Пахло дождём. Снизу бичуемая грозой река была похожа на кипящую ртуть. Армадилл чуть расслабил мускулы. Бронированные щитки разомкнулись, и в ушах рептилии зашипел дождь. Армадилл вновь закрыл ушные раковины и нырнул. Тёмное пространство подводного мира время от времени озарялось мгновенными синими сполохами. Внизу ритмично колыхались водоросли. Армадилл взял направление в узкую протоку между двумя небольшими островками. Вода чуть слышно журчала, разрезаемая острыми краями чешуек. Уже в протоке он вновь поднялся и выставил наружу ноздри. Запах дождя? Несомненно. Но теперь в него вплетались и другие, более слабые: сырой, чуть сладковатый запах травы, сильный глухой тон почвы, горьковатые обертона начинающей подгнивать листвы... И ещё... Армадилл с силой втянул в поисковые фолликулы воздух. Рассыпавшиеся по пузырькам-луковицам молекулы сообщили: на островке кто-то есть. Чуть заметный запах никотина, и сразу же — восхитительный, дразнящий аромат живой плоти. Армадилл всплыл на поверхность. Так могло бы выглядеть старое, долго пробывшее в воде дерево — буро-черный орнамент коры с жёлтыми и зелёными крапинками водорослей. Правда, ни одно старое затонувшее бревно не смогло бы ни трижды свернуться в кольцо, ощетиниваясь острыми, как нож, чешуйками панциря, ни развить огромную скорость за несколько секунд — и, самое главное, оно не имело такой замечательной пасти с тремя рядами острых зубов на каждой челюсти.

Глава 3

Капитан Фракомбрасс, по кличке Ёкарный Глаз, восседал в скрипучем кресле-качалке и тихонько посасывал ром. По всей каюте были разбросаны разнообразные предметы, в основном бутылки (пустые) и всяческие ёмкости, служившие пепельницами (эти, наоборот, большей частью полные). Капитан пребывал в лирическом настроении. Команда, зная на собственном горьком опыте, чем это чревато, попряталась кто куда. Обезьянцев вообще-то нельзя назвать слишком тактичными, но команда «Тяжёлой Думы» была выдрессирована им на славу при помощи личного метода, который сам капитан гордо именовал «методом Фракомбрасса». И действительно, даже самый бестактный обезьянец научится уважать покой ближнего, если этот ближний имеет привычку с силой, а главное — очень метко запускать ему в голову пустые бутылки. В данный же момент снарядов вокруг капитана хватало в избытке.

Ёкарный Глаз икнул и разжал пальцы. Ещё одна бутылка присоединилась к своим товаркам. Не вставая, он протянул цепкую нижнюю конечность, выдвинул ящик обшарпанного и изрезанного стола и лениво пошарил там. Однако, кроме сухой заплесневелой корки хлеба, в ящике ничего больше не обнаружилось. Осторожно понюхав корку, капитан с отвращением откусил кусок. Крепкие жёлтые клыки со скрипом вошли в каменно-твёрдую поверхность. Корка отчаянно сопротивлялась, стреляя во все стороны острыми твердыми крошками и царапая капитанские дёсны. Но силы были неравны, и вскоре мощные челюсти ритмично заработали, преодолевая последние остатки сопротивления.

В дверь каюты постучали, и в образовавшуюся щель просунулась физиономия. Обладатель физиономии держал голову слегка втянутой в плечи, а глаза его были чуть прищурены, как бы в ожидании какого-то подвоха.

— Эй, кэп, у нас тут к тебе есть одно дельце.

Капитан лениво опустил руку и пошарил по полу около кресла. Нагибаться ему для этого не пришлось. Обладатель физиономии быстрым движением втянул голову в щель и продолжал уже из-за двери:

— Парни недовольны, кэп. У нас заканчивается жратва и травка, а новой не предвидится. И всё по твоей вине.

— Идиоты! — широко, во всю пасть, зевнул капитан. — Если бы я позволил вам напасть на тот транспорт, конвой сделал бы из нас отбивную.

— Мы так не думаем, кэп, — послышался из-за двери голос, на этот раз другой.

— Конечно, вы не думаете, волосатые задницы! Вам же просто нечем. Вот поэтому капитан — я, а не один из вас.

— А может, ты нас больше не устраиваешь! — взвизгнули за дверью.

Капитан ухмыльнулся. Бунты на обезьянских кораблях — дело обычное. Правда, с тех пор, как он принял командование, любой бунт на борту «Тяжёлой Думы» проходил по одному и тому же сценарию — один-два зачинщика улетали в бортовые гальюны, а остальные с усердием принимались драить палубу или штопать паруса. «Дума» была большим летающим кораблём, и работа находилась для всех. Впрочем, эти выкрики из-за двери никак не тянули на настоящий, хороший бунт, во время которого можно было от души повеселиться.

Изенгрим Фракомбрасс, тяжело опираясь о край стола, поднялся с жалобно пискнувшего кресла и шагнул к двери. Неторопливо распахнув её, он упёрся руками в дверной косяк и молча обвёл глазами матросов. Под давлением этого взгляда кучка бунтовщиков попятилась. Довольно осклабясь, капитан почесал волосатый живот, одновременно решая, кому именно сейчас следует преподать конкретный, запоминающийся надолго урок. Конечно, неплохо было бы как следует порвать этого мелкого хорька из новеньких, а то и вовсе спустить в гальюн. Слишком уж борзый для новичка. Но парень оказался на удивление неплохим парусным масте-

ром — а Изенгрим Фракомбрасс стал капитаном обезьянских пиратов отнюдь не потому, что выбрасывал за борт таких нужных на корабле обезьянцев. Чего греха таить, с тем гнильём, что прежде болталось на реях, «Тяжёлая Дума» не смогла бы совершить и десятой доли своих подвигов. Поэтому капитан решил не устраивать экзекуцию. В конце концов, прошлого раза ублюдкам должно было хватить за глаза. Сейчас это просто недовольство, чуть больше выходящее за рамки обычного.

— Парни, парни, — укоризненно покачал головой капитан. — Я был о вас лучшего мнения. И вот о чём я хочу вас спросить, — тут он вдруг подался вперёд, оказавшись нос к носу с бунтовщиками. — Вы мне верите, парни? Вы доверяете вашему капитану?

Глаза капитана, жёлтые, налитые кровью, плавали в воздухе в нескольких сантиметрах от лица матроса, первым постучавшегося в каюту. Тот заворожённо уставился в них и часто-часто закивал.

— А вы, друзья мои, верите мне? Верите? — Капитан по очереди обвёл взглядом каждого. Матросы пре-красно понимали, что в такой ситуации возможен только один ответ.

— Да... Да, кэп... Конечно.... Конечно, доверяем, — нестройно зашумело над палубой. Изенгрим Фракомбрасс удовлетворенно рыгнул.

— Тогда почему ваши задницы до сих пор ошиваются здесь!!! — заорал он вдруг во всю силу лёгких. — Двое на марсы! Стравить из баллона! Снижаемся, сукины дети!

Обезьянцы торопливыми муравьями разбегались по кораблю, карабкались по вантам. Двое наблюдателей запрыгнули в плетёные корзины марсов. Поскольку «Тяжёлая Дума» была воздушным кораблём, то располагались они внизу, на выдвигающихся из днища коротких мачтах.

«Однако... Парни, похоже, начинают скучать без дела. Сейчас было бы весьма кстати сорвать хороший куш или, по крайней мере, разжиться травкой». Обычай курить травку принёс на «Тяжёлую Думу» бессменный рулевой Колбассер, и теперь обезьянские пираты, да и сам капитан, не мыслили ни дня без того, чтобы не забить косячок.

Струи дождя безостановочно стекали по серой обшивке баллона и заливали палубу. Сухим оставался только небольшой участок в самом её центре. Капитан с неудовольствием отметил плевки и затоптанные окурки.

«Ну что за свинтусы. Обязательно им на палубе срач разводить. А кубрик на что, спрашивается?»

— Кэп! Вижу внизу лодки! — долетел до него крик марсового. Капитан быстрым шагом прошёл к клюзу выдвижной мачты и глянул вниз. Спускаться на марсы он не спешил: так ли уж трудно закупорить отверстие, а потом срубить мачту, отправив неугодного в короткий последний полёт?

— Какого ещё ты там видишь?

— Там лодки, кэп! Штук восемь или десять. Причаливают к островку. И ещё какая-то штука, вроде большого ведра.

— Отлично, парни. Посмотрим, что это такое. «Наверняка какое-то племя переселяется. Лучше бы купеческий караван, конечно... Впрочем, нам в любом случае будет с кем позабавиться».

— Спустить паруса! Трави из баллона помалу! Канониры, приготовить гальюны левого борта! Огонь только по моей команде! Рулевой! Мы должны зависнуть точно над ними! И смотри мне, не вздумай в случае чего оправдываться тем, что был пьян! Я ведь где грозный, а где и вовсе беспощаден, ты понял, Колбассер?!

«Тяжёлая Дума» начала манёвр снижения.

* * *

Армадилл мигнул. Прозрачная плёнка медленно скользнула по глазному яблоку и спряталась под веко. Мир с точки зрения армадилла представлял собой любопытное зрелище: очень

чёткий, яркий, сильно увеличенный в центре, но он тускнел и уменьшался к краям, становясь как бы необязательным приложением к тому, на чём хищник фиксировал свой взгляд. Сейчас глаза армадилла были устремлены на странную цилиндрическую штуковину. Это оттуда так вкусно пахло. Правда, запах никотина немного настораживал армадилла, как и всё незнакомое. Но спустя какое-то время голод перевесит осторожность, и бронированное тело плавно заскользит вперёд, к источнику раздражающе-аппетитного запаха, всё быстрее и быстрее... Армадилл шевельнул хвостом и неспешно, почти незаметно переместился на несколько метров. Он не очень любил охотиться на суше, хотя и мог. Настоящей его стихией была вода. И она прибывала. Через какое-то время она достигнет непонятного предмета, и тогда... Армадилл замер недалеко от берега, свернувшись в кольца на мелководье и выставив на поверхность широкую плоскую голову. Янтарные, с коричневыми крапинками глаза, не отрываясь, следили за береговой линией. Уже два раза рептилия, словно подмытая дождём коряга, тихотихо снималась с места и слегка придвигалась к странной, похожей на пень штуковине, из-под которой тянуло восхитительными ароматами. Иногда в щели под ней что-то мелькало, и тогда вкусный запах чуть-чуть усиливался. Внезапно армадилл услышал шум. Эти звуки были ему знакомы: чуть бурлящий шорох воды и ровные всплески вёсел. Приближалась лодка, причём не одна. Рептилия погрузилась, оставив на поверхности только выступы глаз и ноздрей. Голые коричневые люди, тонкие, блестящие от дождя, с длинными копьями в руках ловко прыгали на берег, вытягивали на сушу остроносые лодки, подкрадывались к перевёрнутой ступе, из-под которой доносились оживлённые голоса — и всё это молча и почти бесшумно. Сознание армадилла устроено просто: в нём есть осторожность и есть голод. Голод заставляет его истекать слюной, словно водяные часы-клепсидру — капельками воды. И когда чаша голода перевесит, осторожность уже не будет иметь никакого значения...

* * *

— Плохо дело, — пробормотал Куки.

Когда мощный пинок опрокинул ступу, друзья полетели вверх тормашками, и не успели они вскочить на ноги, как оказались в кольце из дюжины острых и длинных копий. Те потихоньку, сантиметр за сантиметром, смыкали кольцо.

— Кто это? — спросил Хлюпик.

— Какое-то племя. С верховьев Камелеопарда, если судить по их лодкам. Скорее всего, кипадачи. Да ещё молодые воины, самые отмороженные...

— Племя? А почему они не пригласили нас на трубочку табаку или на чашку чаю, а тычут копьями? По-моему, это просто разбойники!

— Племена бывают разные, — хмыкнул Куки. — У некоторых настолько практичный подход к чужакам, что они рассматривают их как полезную добавку к пищевому рациону. Или, скажем, как меновой товар.

— А кипадачи?

— Эти, скорее всего, просто надают по соплям.

— По чему?!!

— Отдубасят, блин! Так понятно?!

— За что?

— Обычай у них такой. Молодым воинам главное показать свою удаль, а любой чужак для этого — прекрасный повод... Ты как, хорошо дерёшься?

— Шутишь?!

— Ничуть не бывало. Сейчас они устроят что-то вроде арены и выпустят против нас кого-нибудь из своих.

— А потом?

— Ну-у... Если мы будем хорошо биться, они нас отпустят... Может быть, — не слишком уверенно протянул Куки. — Знаешь, ты лучше не суйся под руку, раз не умеешь драться. Я попытаюсь как следует отделать их парня.

Между тем кончики копий стали покалывать приятелей, недвусмысленно подталкивая их к воде. Внезапно воины рассыпались цепью, образовав полумесяц, обращенный вогнутой стороной к реке. Один из них, резко взмахнув рукой, вогнал копьё острием в землю и выступил вперёд.

— Ага, вот и вызов, — сквозь зубы процедил Куки. — Кстати, не вздумай прыгать в реку. Трусов они не жалуют. Закидают копьями только так...

Он делал плечами какие-то странные движения, словно разминал их после тяжёлой ноши. Кипадачи вдруг, словно лягушка, скакнул вперёд и замер на согнутых ногах, держа одну руку с полу сжатым кулаком на уровне подбородка, а другой прикрывая живот. Куки сделал несколько шажков ему навстречу, привстав на цыпочки и двигаясь как бы маленькими прыжками. Кипадачи резко нагнулся, упёрся ладонями в скользкую почву и круговым движением выбросил вперёд ногу, стремясь подсечь Куки. Тот высоко, как кролик, подпрыгнул, хлопнув себя пятками по ягодицам, и, приземлившись, тут же лягнул кипадачи, целясь ему в пах. Воин качнулся назад, уходя, лёгким прыжком преодолел разделяющее их расстояние и нанёс Куки один за другим два удара — в голову и под рёбра. Куки легко отбил их и, в свою очередь, попытался достать противника локтем. Тот отшатнулся, и в этот момент Куки зацепил его ступнёй за ногу и резко дёрнул. Кипадачи широко взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, а Куки, угрожающе занеся кулак, скорчил зверскую рожу. Кипадачи рухнул в грязь. Воины разразились насмешливыми воплями. Незадачливый боец вскочил, оскалив зубы, и рванулся к обидчику. Дальнейшее Хлюпик не совсем понял: вроде бы Куки почти позволил схватить себя за горло, но в последний момент откинулся на спину, согнув обе ноги в коленях. Кипадачи по инерции перелетел через него и, подняв фонтан брызг, врезался головой в воду. Тут вдруг те, кто стоял в оцеплении, стали принюхиваться, тревожно о чём-то переговариваясь и оглядываясь по сторонам. Строй нарушился. Внезапно один из воинов что-то завопил, тыча копьём вверх. Следом за ним заорали и остальные, задрав головы и потрясая оружием. Куки тоже посмотрел вверх. Прямо с небес к ним падал серой тенью огромный летучий корабль.

* * *

Старина Колбассер управлял «Тяжёлой Думой» с такой точностью, что капитан невольно залюбовался. Погасив инерцию и используя слабый ветер, он аккуратно снизился прямо над головами дикарей. Из открытых бортовых портов плыло зловоние. «Молодцы, парни, хорошо постарались», — подумал капитан и скомандовал:

— Гальюны левого борта — огонь!

Захлопали крышки люков, и шквал нечистот обрушился на головы кипадачи, сбивая их с ног.

С воплями и свистом обезьянские пираты съезжали по канатам вниз и, размахивая кистенями, ножами, кастетами и стоеросовыми дубинками, набрасывались на дикарей. Те в ответ кололи нападавших копьями, кидались им под ноги, свернувшись в клубок, швыряли в глаза противникам пригоршни грязи. Многие, впрочем, не в силах выдержать жуткое зловоние, падали на колени и сотрясались в приступах рвоты. Пираты походя добивали таких. Куки и Хлюпик оказались с краю сражения, как раз на кромке земли и воды. С трудом подавив рвотный позыв, когда волна отвратительного запаха накрыла их, друзья бросились бежать. На их беду, именно в той стороне, куда они направились, кипадачи вытащили свои лодки на берег. И навстречу путешественникам рванулись стремительные коричневые фигуры, занося копья для удара. Друзья резко затормозили. Сзади между тем набегали пираты в рваных тельняшках, с дубинами и зазубренными кремневыми ножами в руках. «О Великий Табачный Дух Никоциант!» — крепко зажмурив глаза, взмолился Хлюпик.

* * *

В ноздри армадиллу ударили резкие, доводящие до исступления ароматы; но все запахи перебил один — запах свежей крови. На ту чашу весов, где был голод, опустилась пудовая гиря. Огромное, закованное в неуязвимую броню тело рванулось, распрямляя кольца, и врезалось прямо в толпу сражающихся. Послышались дикие вопли. Здоровенный пират, проорав что-то нечленораздельное, двумя руками занёс над головой ржавый мясницкий тесак и со всего маху обрушил его на череп армадилла. Рептилия мерзко зашипела. Треугольные, каждая размером с ладонь, чешуйки разошлись в стороны. Армадилл бешено завертелся, шинкуя бритвенно-острыми краями чешуи всех, кто подворачивался под удар. Стоны и крики повисли над поляной. Кто-то побежал, не разбирая дороги, придерживая рукой напрочь срезанную щеку. Один из пиратов схватился за свисающий с борта корабля канат и стал неловко подтягиваться, глядя через плечо выпученными от ужаса глазами. Туша армадилла вдруг изогнулась, встала, балансируя, почти на самый кончик хвоста — и широкая пасть аккуратно перекусила почти уже спасшегося пирата пополам. И всё вдруг закончилось: тварь, плотно прижав чешуйки, огромным угрем скользнула в воду. На поляне слабо шевелились и стонали раненые.

* * *

Хлюпика трясло. Зубы выбивали друг о друга чечётку. Куки, тяжело дыша, сосредоточенно работал веслом. Лёгкая ладья кипадачи уносила друзей от страшного острова по вздувшейся от дождя реке. Острый нос протыкал гребешки волн, окатывая брызгами сидящих в ней.

Им удалось ускользнуть в самый последний момент.

Когда чудовище кинулось на берег, все на миг остолбенели. Куки не преминул воспользоваться моментом и, дёрнув Хлюпика за плечо, увлёк его в воду. Пока монстр разделывал сражающихся, они успели отвязать лодку и теперь изо всех сил гребли вверх по течению. Уже почти стемнело; дождь продолжал лить, хотя и не так сильно. От гребцов шёл пар. Хлюпик, непривычный в обращении с большим двухлопастным веслом, почти сразу натёр себе на ладонях мозоли. Теперь каждый гребок давался с болью. Струйки пота, смешиваясь с дождём, стекали по лицу, противно щипали глаза. Вскоре Хлюпик перестал различать что бы то ни было, кроме чёрной блестящей спины Куки. Через некоторое время он почувствовал, что не в силах больше сделать ни одного гребка. Мышцы сводило судорогой. Как раз в этот момент о борта лодки зашуршали камыши, и она ткнулась носом в берег.

— Ну вот, здесь можно передохнуть. — Куки бросил весло и устало вздохнул.

—Они нас... не догонят? — спросил Хлюпик, когда наконец почувствовал, что может говорить.

— Кто «они»? Если ты имеешь в виду кипадачи, то, я думаю, у них сейчас другие заботы. Что же касается пиратов, им просто ни к чему охотиться за одной лодкой. Ну а армадилл теперь вполне сыт и отдыхает где-нибудь на дне, в подводной пещере.

— Что это было? У нас даже не слышали никогда о таких жутких монстрах!

— О да, у вас вообще очень тихое и спокойное место. Просто на удивление. Вообще-то всё, что с нами сегодня произошло, вполне в порядке вещей.

— Мы угнали ведьмину ступу, — начал перечислять Хлюпик, — потом попали в жуткую грозу, подверглись нападению дикарей, пиратов, речного чудища...

— Армадилла, — поправил Куки.

— И ты говоришь, что это всё в порядке вещей?!

— Ну... День, конечно, получился довольно насыщенный. Но в целом — да, ничего особенного не произошло. Послушай, парень, — Куки щёлкнул пальцами. — Я понимаю, что ты, наверное, сегодня получил больше впечатлений, чем за всю предыдущую жизнь. И в основном это были неприятные моменты, согласен. Но Великий Лес — это Великий Лес. В нём опасность подстерегает на каждом шагу, запомни это. Однако в любой ситуации можно найти положительные моменты.

— И где же они?

— А ты как думаешь?

— Не вижу ни одного!

— Очнись, парень! Мы ведь до сих пор живы, не так ли? Как профессиональный каюкер, скажу тебе: это самое главное. Остальное — сущий пустяк.

Хлюпик помолчал немного, потом завозился, расстёгивая поясную сумку.

— Наверное, весь табак промок? — сочувственно спросил Куки.

— Не-а, у меня кисет хороший. Водонепроницаемый. Я даже купался с ним на спор. — Хлюпик, низко наклонившись и подняв плечи, пытался разжечь трубку. Огниво чиркало по кремню, но ветер сводил все усилия на нет.

— Дай-ка сюда. — Куки взял трубку в руки и поднёс палец к отверстию. Щёлкнула искра, и табак зарделся красноватым огоньком.

— Ух ты! Это колдовство?

— Почти. — Куки потянулся и зевнул. — Никому не говори, что я так умею. И свои умения, если они у тебя есть, постарайся слишком часто не демонстрировать.

— Почему?

— Потом поймёшь. Сейчас просто запомни мои слова.

Они помолчали. Хлюпик глубоко затягивался, прикрывая отверстие трубки ладонью от капель дождя. В густых сумерках дым казался серым.

— А этот зверь...

— Армадилл? Такие, как он, — наследие магических войн. В основном Второй Магической, конечно. Первая была так давно, что уже никто и не помнит.

— Так их специально создавали?

— И их, и массу других монстров. Большинство из них было уничтожено, некоторые просто оказались нежизнеспособными, а некоторые вот до сих пор живут и прекрасно себя чувствуют.

— И много в реке таких, как он?

— Не слишком. На них ведь тоже можно охотиться, если знать как.

— И что, есть знатоки такой охоты? — саркастически спросил Хлюпик.

— Один из них перед тобой. Я тебе уже говорил, что среди вещей, которыми я занимаюсь, главная — это охота на монстров.

— И что надо, чтобы одолеть его?

— Для начала, чтобы за это хорошо заплатили. — Хлюпик почувствовал, что Куки ухмыляется. — Ну а дальше — по обстоятельствам. Слушай, давай докуривай, и будем устраиваться на ночь. Устал я страшно. По-моему, если перевернуть лодку, под ней вполне можно заночевать.

В наступившей темноте послышалось пыхтение.

— Слушай, тут какие-то тюки...

— Утром посмотрим. Сейчас давай спать.

— А к нам никто не подкрадётся?

— Не бойся. В случае чего, я с ним разберусь. Ты ведь ещё не видел, на что я способен. Да и табачный перегар от тебя такой, что любого хищника с ног собьёт. — Куки слабо хихикнул и тут же засопел.

Хлюпик почувствовал, что дрёма одолевает и его.

Лодка пахла изнутри сырым деревом и тиной. Кто бы мог подумать, подумал Хлюпик, проваливаясь в сон, что я сумею сладко заснуть на земле, на мокрой колючей траве, без одеяла и вечернего чая. Кто бы мог подумать... Только не я...

* * *

Утро выдалось чудесным. За ночь гроза прошла, и первые лучи солнца зажгли тысячи маленьких радуг в каплях воды, свисающих с листьев и веток. Над ровной речной гладью курилась лёгкая дымка. Густая трава, казалось, поседела за ночь — такая обильная выпала роса. Куки с удовольствием зачерпывал полные пригоршни влаги и умывался, ухая и отфыркиваясь. Хлюпик съёжился под лодкой, сберегая остатки тепла, — утренняя свежесть разбудила и его.

— Давай вылезай, что ли, — бодро поприветствовал его Куки.

Хлюпик застонал. Проведённая на голой земле ночь давала о себе знать — всё тело ныло и слушалось хозяина весьма неохотно.

— Давай-давай! Искупаться не хочешь?

— Нет, спасибо! — Хлюпик передёрнулся. — Когда там такие крокозябры водятся...

— Ну как хочешь. — И Куки, скинув набедренную повязку, почти без всплеска ушёл под воду.

Хлюпик уселся на перевёрнутую лодку, обхватив себя руками, и стал смотреть, как приятель ныряет и плавает.

— Вылезай! — наконец, не выдержал он. — А то ещё кто-нибудь цапнет за ногу — и Амба!

— Тогда уж не Амба, а каюк! — весело ответил Куки. Он выбрался на берег, отжал волосы и встряхнулся.

— Теперь самое время покурить, — сказал Хлюпик.

— Теперь самое время заценить, чего там мы стырили у кипадачи, — возразил Куки. — Давай-ка доставай их пожитки!

Пожитков было три мешка. Куки придирчиво осмотрел их и заявил:

— А вот и наши плащи.

—Плащи?

— Ну да. Это в Лесу ты можешь щеголять в одной набедренной повязке или вовсе голышом. В Бэбилоне нравы другие. Надо что-то надеть сверху. Иначе тебя примут за лесного дикаря. А ты хоть и из Леса, но дикарём себя не считаешь, так ведь?

— Конечно, нет! — удивленно воскликнул Хлюпик. — Я смоукер!

— А как тебя зовут, смоукер?

—Хлюпик.

Куки в раздражении прихлопнул себя по коленкам:

— Не Хлюпик, а Хлю!

— Ой, извини, — смутился Хлюпик. — Я и забыл.

— Помнить надо, — проворчал Куки, возясь с узлом. Наконец тот поддался, явив взорам приятелей какую-то странную массу. С виду она напоминала скрученные сушёные листья. Куки зачерпнул пригоршню, понюхал и вдруг разразился хохотом.

— Ты чего это? — озадаченно спросил Хлюпик.

— Парень, да ты знаешь, что это такое? Это же умат-кумар!

—Умат-кумар?!

—Ну да! Слушай, попробуй зарядить это в свою трубку, сам поймёшь! Ох, вот это номер!

— И что нам с ней теперь делать?

— Как что? Если в остальных мешках то же самое, то мы с тобой уже довольно богатые люди! Давай скорее развязывай остальные!

Во втором мешке оказался всё тот же сушёный лист. Хлюпик недоверчиво понюхал его. Пахло травой. В третьем мешке лежал здоровенный молот из крепчайшего железного дерева, кремень с огнивом и трут, завязанные от влаги в большой рыбий пузырь, моток прочной толстой верёвки и завёрнутая в несколько кусков тонко выделанной кожи книга. Хлюпик с интересом склонился над ней.

— Тут же ничего не понятно! — разочарованно протянул он, разглядывая незнакомые буквы, более всего похожие на чёрных пиявок.

— Ладно, неважно! Что там есть ещё?

— Больше ничего.

— Ну, нам и этого хватит, — ухмыльнулся Куки. — Веселись, парень! — внезапно воскликнул он. — Мы с тобой теперь богачи!

— А как же хозяева? — несколько растерянно спросил Хлюпик.

— Хозяева?! — брови Куки поползли вверх. — Ты что, уже успел курнуть?! Хозяева теперь мы! И лодка наша, и эти мешки... Ты чего, Хлю?!

Хлюпику и правда было не по себе. Конечно, кипадачи напали на них и вроде бы даже собирались побить; но брать чужое? Хлюпик затруднился бы сказать, что ему мешает поступать так с чистой совестью.

— Правильные смоукеры не берут чужого, — наконец, не очень уверенно буркнул он.

— Странно. — Куки уже спускал на воду лодку. — Когда мы сперли ведьмину ступу, ты вроде не возражал.

— Так ведьма же! Она же плохая!

—А кипадачи что, хорошие?! Запомни, паренёк. — Куки внимательно посмотрел в глаза Хлюпику. — Хороший только ты сам; ну и твои друзья, если они у тебя есть. Все остальные — плохие. Хорошенько это запомни; тогда избежишь многих неприятностей. Усёк?

— Усёк. — Хлюпик не знал этого слова, но тем не менее вполне его понял.

— Ладно, поплыли. Мне кажется, мы не так уж и далеко от Бэбилона. Кстати, попробуй умат-кумар. Вдруг тебе так понравится, что ты о табаке больше и не вспомнишь?

— Ну-у, это вряд ли... Ладно, уговорил. Забью немножко.

— Лучше выкури полную трубку. И подольше удерживай дым в себе. Эх, хорошая штука жизнь!

* * *

Палка свистнула в воздухе, проткнула стену гаража, разметав ветки и прутья, и косо воткнулась в землю недалеко от опушки. Перегнида сплюнула. Всё утро она пыталась соорудить летающее помело из имевшихся в наличии запчастей, и, как назло, ничего не выходило. Утро — вообще не лучшее время для ведьм; но из-за проклятых угонщиков все её суточные ритмы были нарушены, и теперь приходилось работать при ясном солнечном свете. Чёрные лохмотья Перегниды резко контрастировали с весёленьким лесным пейзажем. На покрытой изумрудным мхом полянке перед избушкой красовались неопрятные выгоревшие проплешины и воронки — вещественные следы нервных срывов ведьмы. Сейчас она, правда, немного остыла и дело как будто налаживалось. «Тангаж и рысканье в пределах нормы, — удовлетворённо подумала ведьма, в очередной раз запуская изделие. — Теперь осталась самая малость — хвостовые стабилизаторы. Нарежу-ка я для этого дела ореховых прутьев». Умывавшийся на крылечке кот встретил хозяйку радостным мурлыканьем. На плече она тащила новое помело. Кот встал, задрав хвост трубой и выгнув спину. «Цаконец-то у неё получилось, — подумал он. — Стоит, пожалуй, завести разговор о блюдечке сметаны; вдруг она в хорошем настроении.Конечно, моя хозяйка в хорошем настроении — это что-то новенькое, но вдруг?»

Перегнида воткнула помело у крыльца и с размаху уселась на жалобно скрипнувшую ступеньку. Щёлкнула кнопка, и костяная нога ведьмы шлёпнулась рядом.

— Залазь, — коротко приказала она. Шерсть на загривке кота встала дыбом.

— Хозяйка, — жалобно промяукал он; от волнения кошачий акцент проявлялся сильнее, чем обычно. — Хозяюшка, может, мы как-нибудь по-другому?!

— Залазь, кому говорю. — Перегнида нахмурилась.

— Но... Но там же места мало! Там все твои магические принадлежности и всё такое...

— Места тебе хватит, — ухмыльнулась ведьма. Внезапно она резко наклонилась и сцапала кота за загривок.

— А если его окажется мало, — продолжала она, втискивая мученически закатившего глаза зверька в протез, — то я попросту превращу тебя во что-нибудь более компактное. Например, в жабу.

Кот помалкивал. Он знал, что хозяйка вполне в состоянии исполнить свою угрозу.

— И не вздумай мне там нассать! — рявкнула ведьма, защёлкивая фиксатор. — Шкуру спущу!

Тремя минутами позже из пёстрого лесного ковра в небо вырвалось нечто, похожее на тёмную комету. Маленький покосившийся домик ведьмы остался далеко внизу; на дверях его слабо опалесцировало остаточное свечение мощного расчленяющего заклятия. Конечно, никто в здравом уме не полезет в жилище ведьмы; но наученная горьким опытом Перегнида предпочитала не рисковать.

Глава 4

Примерно в это же время к Четвёртым водяным воротам подплывала лодка. Стражники неодобрительно наблюдали, как двое её пассажиров, оба по виду — типичные куки, вовсю веселясь, машут вёслами. Четвёртые водяные ворота состояли из двух кирпичных башен, утвердившихся по обеим сторонам узкого канала, наполненного зелёной, резко пахнущей водой. Должность привратных стражей считалась довольно почётной и небезвыгодной, так как именно им было доверено право производить сбор пошлины с въезжающих в город. Стражники, однако, предпочли бы более утомительный, но и гораздо более доходный пост где-нибудь на сухопутных воротах, в порту или, в крайнем случае, на Вторых или Девятых водяных. Четвёртые же среди городской стражи имели стойкую репутацию места малодоходного. И то сказать: выходили они в сторону от крупных торговых путей, и пользовались ими, как правило, такие вот голоштанные дикари или совсем уж обедневшие горожане, которым предпочтительнее было сделать крюк, чем заплатить лишнюю монетку.

— Бай зе риверс оф Бэбилон, — во всё горло распевал Куки, — зеа ви сет даун, е, е, ви вепт, энд ви ри-мембед За-айон... Запомни, сынок, это самая бэбидонская из всех бэбилонских песенок, хоть и поётся на дурацком пиджине!

— Может, нам стоило освободить мешки? Ты же сам говорил, в Вавилоне не принято ходить, как мы, — слабо хихикая, сказал Хлюпик.

Куки, ухмыляясь во весь рот, отрицательно покачал У него перед носом пальцем.

— Не-ет, старина! Пусть лучше эта замечательная травка будет в одёжке, чем мы. Потому что эта травка — особенная, и ей одёжка гораздо нужнее, чем нам. Ты понимаешь, о чём я?

Хлюпик, тихо киснущий от смеха, кивнул. Сил говорить не оставалось. От постоянного хохота уже болели горло и грудь.

Травка и в самом деле была замечательная, хотя поначалу он, привыкший к табаку, и морщился брезгливо.

Но зато потом! После третьей по счёту трубки!

— При... преофигительная травка! — выговорил он, наконец.

Куки, мечтательно улыбаясь, окинул взглядом пейзаж.

— Знаешь, когда уезжаешь отсюда, смотришь — духи предков! Ну помойка помойкой. А когда возвращаешься, радостно на душе: вот ты и дома... Хотя всё равно помойка, конечно.

— Да, круто... — Хлюпик с интересом осматривался.

Направо и налево, сколько хватает глаз, прямо из вод вырастал Вавилон. Башни, стены, дома, арки сменяли друг друга, переплетаясь, складываясь в разноцветную мозаику дуг и прямых углов. Теперь он понемногу осознавал, почему Вавилон называли «маленькой вселенной». Он и впрямь был безграничен — врастая и вырастая из самого себя, город бросал вызов бесконечности Великого Леса, создавая собственную, компактно-упорядоченную бесконечность.

Лодка вошла в одетые серым камнем узкие берега канала. Красные башни нависли над головой. Некогда их соединяла на высоте нескольких этажей кирпичная арка, сейчас обвалившаяся посередине. Канал перегораживала толстая железная цепь. Куки направил лодку к берегу. Там был спуск к воде — прорубленная в камне узкая лесенка со стёршимися от времени ступенями и небольшая площадка чуть выше уровня воды. На площадке стояли несколько таможенников — все дородного вида высокие мужчины с сытыми лоснящимися лицами, в светлых форменных кителях и при фуражках. Хлюпику их вид показался невероятно забавным — умат-кумар ещё не выветрился из головы. Он захихикал, подталкивая Куки локтем в бок и тыча в стражников пальцем. Куки тихонько шикнул на него. Он знал, что при общении с таможней любое неосторожное слово грозит лишней монеткой, перекочевавшей в их мошну.

— Ну, презренные куки, зачем едем? Чего везём? — спросил начальник смены, вызвав у Хлюпика новый приступ весёлости.

— Это мой полоумный двоюродный брат, ваша неподкупность, — быстро сказал Куки. — Вот, еду в город показать его колдунам — может, помогут чем.

— Только ненормальных куки нам здесь и не хватает, — проворчал таможенник, доставая пухлую тетрадь. — Как вас там звать?

Куки выдал длинную и абсолютно бессмысленную фразу.

— Чего-чего? — начальник сморщился, как будто его заставили разжевать лимон. — Что ты там лопочешь?

Куки бодро повторил.

— А брата моего зовут... — с готовностью продолжил он.

Таможенник замахал на него обеими руками.

— Ещё чего не хватало — записывать такую несусветную чушь! Ведь едут и едут, словно не сидится им в своём Лесу! Спасу никакого нет! С вас четыре монеты за проезд и ещё две за то, что имена такие длинные.

— Но ваша неподкупность, — запричитал Куки, — мы просто бедные лесные жители, у нас совсем нет таких больших денег...

— Шесть монет, и ни монеткой меньше! Ну ладно, четыре, да и то только потому, что торговаться с вами у меня нет никакого желания. И скажите спасибо, что мы не досматриваем ваши грязные пожитки.

— Очень, очень дорого, господин начальник привратной стражи, — ныл Куки, копаясь в складках своей набедренной повязки.

Один из служащих, брезгливо поморщившись, принял горсть потемневших медных монеток и вяло махнул рукой. Барабан, на который была намотана цепь, завращался, тяжёлые, покрытые тиной звенья ушли под воду, и лодка с двумя приятелями скользнула под своды древнего города Вавилона.

Куки ловкими гребками направлял лодку вперёд по каналу. Мимо проплывали огромные, в несколько этажей, дома. Везде царило оживление: толпы народу сновали по улицам, ездили на каких-то диковинных зверях, правили лодками и плотами. Куки, казалось, чудом избегал столкновения с некоторыми из них. На берегах канала сидели странные личности с удочками; при приближении лодки они с недовольным видом вытаскивали из воды леску. Хлюпик задумался на мгновение: что же здесь можно ловить? Вода выглядела и пахла так странно, что у себя в лесу он не решился бы даже перейти её вброд.

Вскоре узкий канал расширился, соединившись с широкой медленной рекой, также забранной в камень и столь же неприятно пахнущей. По воде плыли белёсый пух и лепестки толстых розовых цветов. Их роняли склонившиеся над водой деревья. То тут то там шныряли маленькие круглые лодочки. Сидящие в них вавилоняне продавали какую-то снедь, во весь голос торгуясь с покупателями, нахваливая свой товар и переругиваясь между собой. У Хлюпика вскоре голова пошла кругом от непрестанного движения и многоголосого шума.

— Что, чувствуешь себя неотесанной деревенщиной? — посмеивался Куки. — Ничего, старина! Я тоже, честно говоря. Так всегда бывает, когда возвращаешься в город из Леса. Зато когда попадаешь из города в Лес, тишиной просто наслаждаешься — как хорошей музыкой.

— Слушай, Куки, а куда мы плывём? — спросил, очнувшись, Хлюпик.

— Для начала я хочу пристроить лодку. Понимаешь, если в Бэбилоне оставить без присмотра что-нибудь хотя бы на пять минут, это тут же украдут. Можно было бы, конечно, продать её, но что-то мне подсказывает оставить пока у себя. Да, кстати, имей в виду — слово «куки» на местном жаргоне означает человек из леса, дикарь. В городе меня называют Иннот.

— Это твоё настоящее имя?

— Это имя, под которым я здесь известен. А настоящее... Что значит настоящее? Я просто пользуюсь теми именами, которые мне удобны в данный момент. Назваться — это ведь всё равно что надеть шляпу. Можно сказать, все они настоящие — или что настоящего у меня нету вовсе. Кстати, помни, что я тебе сказал: держи ухо востро.

— В каком смысле?

— Ох... Ну, как будто где-то рядом армадилл, понимаешь? Что-то вроде...

— Всё время, что ли?!

— А ты как думал, парень. Это Бэбилон... Ага, вот и пристань.

Действительно, за поворотом к реке примыкала небольшая рукотворная бухта, сплошь заставленная различными лодками, плотиками, даже кораблями — и среди них попадались довольно большие. Куки — или Иннот — направил лодку прямо в это скопище. Они проходили буквально впритирку к другим судам и, наконец, оказались возле длинного дощатого причала. Куки ловко выскочил на сушу.

— Давай нашу поклажу.

— Нашу поклажу? — удивился Хлюпик. Все их скромные пожитки остались на безымянном островке возле ступы.

— О духи предков! Ну не нашу, кипадачи, если тебе так больше нравится.

— А! — Хлюпик вытащил из-под сиденья втиснутые туда мешки. Как только вдали показались стены Вавилона, Куки (то есть Иннот, поправил он себя) заставил его вычерпать со дна лодки всю воду и аккуратно припрятать груз.

К путешественникам уже спешил какой-то вавилонянин. Хлюпик обратил внимание на его одежду: такой красивой тёмно-синей ткани он в жизни не видывал!

— Три монеты за стоянку, презренные куки! Три монеты, и ни одной меньше!

— Протри свои поросячьи глазки, любезный! Или ты меня не узнаёшь?!

— Иннот, малыш! — радостно завопил вавилонянин, раскрыв объятия. — Сколько лет!

Иннот, однако, довольно сухо его перебил:

— Слушай, мне некогда. У меня к тебе просьба — присмотри за лодкой; возможно, она мне ещё понадобится. За мной не заржавеет, ты знаешь. Да, и ещё: не говори пока никому, что ты меня видел, ладно?

— Не вопрос, парень, не вопрос. — Хозяин пристани с любопытством поглядел на стоявшего рядом Хлюпика. — А это кто с тобой?

— Неважно. Слушай, мне пора. Не забудь про лодку.

— Сей же минут о ней позабочусь...

Иннот схватил Хлюпика за руку и потащил сквозь толпу. Другой рукой он придерживал мешки с умат-кумаром. Маленький мешок достался Хлюпику.

— Значит, так. Сначала надо припрятать это добро. Таскаться с ним не стоит. Потом... — Иннот на мгновение задумался, — потом одежда. Надоело мне, что каждая сявка норовит обозвать презренным куки.

— И где... Где мы это припрячем? — удивился Хлюпик. — Здесь же кругом столько народу...

Иннот недоумённо поглядел на него.

— Всё время забываю, что ты вырос в Лесу, — наконец, сказал он. — Такой, в общем, смышлёный парень... Надо найти место, где наше добро будет под надёжной охраной. Одно из таких мест — моя квартира.

Тут он ненадолго замолчал.

— Да, сейчас идём ко мне.

— А где эта твоя хижина?

— Не хижина, а квартира. Ну, как бы сказать... Видишь эти дома? Так вот, внутри у каждого как бы много-много маленьких хижинок. И каждая называется — квартира. А идти туда недолго. Мы уже почти пришли.

— Слушай, а этот, на пристани — он что, твой друг?

— Друг? Ну нет, не друг. — Иннот явно думал о чём-то другом. — Он так... Просто знакомый. Страшная, кстати, зануда. Но доверять ему до определённой степени можно. Я как-то оказал этому парню небольшую услугу; кроме того, он немного меня побаивается.

— Серьёзно?!

— Ну да... Я ведь каюкер, знаешь ли.

Они свернули с оживлённой улицы и нырнули под арку. Хлюпику показалось, что они попали в какую-то гигантскую пещеру: теперь приятели двигались в лабиринте узких дворов, поднимались по каким-то лестницам, два или три раза проходили дома насквозь — Хлюпик морщился от резкого запаха мочи в тёмных переходах. Личности, попадавшиеся им навстречу, Хлюпику очень не понравились: лица у них были нездоровыми, а глаза — неприятно цепкими. Некоторые шли по своим делам, засунув руки в карманы, другие просто стояли в небрежных позах, подпирая стены. Наконец, протиснувшись сквозь какую-то совсем уж узкую щель (им пришлось даже встать боком), приятели оказались во дворе. Огромные бледно-жёлтые здания с глухими стенами, примыкая друг к другу, составляли некое подобие колодца. По стене одного из домов вилась тоненькая железная лесенка. «Абизьянам место в жунглях!» — уверяла безобразная синяя надпись на штукатурке.

— Нам туда, — коротко бросил Иннот, кивнув наверх.

— Как ты дорогу-то помнишь? — удивлённо спросил его Хлюпик.

— Ерунда. Поживёшь здесь немного и начнёшь ориентироваться не хуже. Дело привычки, знаешь ли.

Они поднялись наверх. В родной деревне Хлюпик без всякого страха забирался на самые высокие деревья; но тут, среди огромных, уходящих вниз плоскостей, у него неожиданно закружилась голова.

Иннот жил в каморке под самой крышей; обшарпанная дверь на скрипучих петлях оказалась незапертой. Хлюпик хотел что-то спросить, но Иннот молча вскинул руку, прислушиваясь. Маленький коридорчик, где они стояли, заканчивался другой дверью, неплотно прикрытой, из-под неё проникал лучик дневного света. Каюкер горестно вздохнул и вошёл в комнату. Там было пусто; лишь на полу виднелись грязные следы многих ног. Иннот покачал головой и заглянул в смежное помещение. Единственным предметом меблировки тут являлась кровать, более всего напоминавшая жертву какого-нибудь сухопутного армадилла: вспоротая вдоль и поперёк, с торчащими из недр пружинами. На полу валялся разнообразный мусор. Обои под раскрытым окном потемнели и вздулись пузырем.

— Извини, — нарушил молчание Хлюпик, — но это всё не кажется мне очень уж надёжным местом.

— Дверь, похоже, взломали, а потом мародёры растащили всю обстановку, — несколько смущённо откликнулся приятель. — Обычное дело, надо сказать; меня ж, считай, полгода не было...

— И что мы теперь будем делать?

— Так, сейчас соображу... Пожалуй, мы сейчас отправимся к Громиле. Это мой друг, он приютит нас на некоторое время.

— А какой он друг? Вроде этого, на пристани?

— Нет, что ты! Громила — свой парень, свой в доску... Тоже каюкер, между прочим.

— А почему у него имя такое странное?

— Чем же странное? Вполне нормальное имя. У него и внешность соответствующая: большой, чёрный, мохнатый...

— Мохнатый?!

— Ну да. Он же обезьянец.

— Я тебе, наверное, уже надоел с расспросами. Но все-таки скажи, кто такие обезьянцы? Помнится, ты и этих... Летающих пиратов так же обзывал.

— Всё верно, они тоже обезьянцы. Правда, несколько другого вида. Ты знаешь вообще, что такое Вторая Магическая?

— Ну, была такая война между магами, очень большая война, но очень давно.

— Не так уж и давно в общем. Так вот: маги не просто воевали между собой. Они создавали огромные армии, целые народы, предназначенные для войны. Да, парень, у них был размах! И как-то раз кому-то из магов пришла в голову идея не создавать их с нуля, а заколдовывать стаи обезьян, чтобы они воевали на их стороне. Дело тоже не простое, но Великим Магам и не такое по плечу. Вот так и появились на свет обезьянцы.

С одной стороны, разумные, с другой — прекрасно приспособленные к жизни в Лесу и очень сильные. Великие Маги все сгинули в той войне, а создания их живут до сих пор. Некоторые пиратствуют — у всех обезьянцев очень цепкие руки и ноги, и они хорошо управляются там, где надо лазать по канатам. Да и бойцы не из последних; только дисциплины у них маловато. Ну а другие вполне неплохо устроились в Бэбилоне. Кстати, те пираты, что напали на нас, скорее всего, происходят от павианов и шимпанзе. А у Громилы предком была горилла.

Всё это Иннот объяснял, уже шагая по улице. Хлюпик чувствовал усталость; кроме того, страшно хотелось курить. Но табак приходилось экономить: Иннот сказал, что зелье это редкое и достать его даже в Вавилоне нелегко. Прохожие немилосердно толкались, и в какой-то момент Хлюпик почувствовал, что рука одного из них явно ощупывает мешок. Иннот вдруг, словно почувствовав что-то, резко обернулся и уставился тому прямо в глаза. Прохожий стушевался и отстал.

— Не зевай, парень, не зевай, — сквозь зубы пропел Иннот. — И не отставай, иди ко мне вплотную.

Хлюпик потерял счёт пройденным улицам и еле волочил ноги, когда, наконец, они вошли в какой-то дом и поднялись наверх. По-видимому, все каюкеры предпочитают жить под самой крышей, флегматично подумал Хлюпик, когда они остановились на последней лестничной площадке перед железной, крашенной коричневой краской дверью.

Куки сбросил с плеча мешок и изо всех сил заколотил в неё кулаками. Грохот ударов, казалось, разнёсся по всему дому. Подождав немного, он приложил ухо к щели между дверью и косяком и прислушался.

— Музыку поставил, — огорчённо сказал он. — С одной стороны, хорошо — значит, он дома...

И Иннот снова принялся колотить в дверь. Наконец, оттуда глухо спросили:

— Кто там?

— Это я, Иннот!!! — завопил, надсаживаясь, Иннот.

Дверь открылась, и Хлюпик со страхом посмотрел вверх. Громила был невероятно высоким, почти вдвое выше самого Хлюпика, и весь порос длинной угольно-чёрной шерстью. Одежды на нём не было вовсе, если не считать ярко-красных плавок.

— Ты бы глазок в дверь вставил, что ли! — поприветствовал друга Иннот, подхватывая узлы.

—Да ну, блажь какая! В них всё равно ничего не видать толком. — Хозяин посторонился, пропуская гостей. — Ну, здравствуй, что ли, мелкий! Я уж, грешным делом, подумал, тебе каюк устроили твои недруги!

— Каюк не каюк, а квартиру обнесли.

— Ты спасибо скажи, что сам жив остался, — хмыкнул Громила. — Хотите пива?

— А то!

Хлюпик огляделся. Жилище Громилы ничем не напоминало квартиру Иннота. Оно представляло собой одно большущее помещение — то ли планировка здесь изначально была такая, то ли хозяин счёл за лучшее снести стены, чтобы не мешали. Изнутри дверь была просто утыкана крючками — и на каждом висела пара перчаток из толстенной кожи. «Ну да, он же обезьянец — зачем ему сандалии!» — подумал Хлюпик. Пол устилал огромный мохнатый белый ковёр — ноги утопали в нём по щиколотку. Хлюпик прикинул, какого размера должен был быть зверь, с которого содрали эту шкуру, и с уважением посмотрел на Громилу. Несколько шкафчиков и буржуйского вида диванов приютились вдоль стен. Перед каждым диваном стоял небольшой низенький столик, уставленный разноцветными бутылками. На полу возле одного из них валялся цветной журнал. Хлюпик машинально бросил взгляд на раскрытую страницу и, густо покраснев, поспешно отвернулся.

Хозяин между тем достал откуда-то упаковку жестяных банок и, отделив две, ловко кинул их друзьям. Хлюпик с недоумением рассматривал пойманный предмет.

— Делай, как я. — Иннот подцепил какую-то штуковину на банке и со щелчком открыл её.

Хлюпик последовал его примеру. Жидкость показалась ему невероятно противной на вкус, да ещё горько-жгучие пузырьки неприятно кололи нёбо. Смоукер аккуратно поставил ёмкость на столик.

— Слушай, а ванну у тебя принять можно? А то мы, понимаешь, с дороги... — говорил между тем Иннот.

Громила широко развёл ладони.

— Мой дом — твой дом, старина.

— Да, кстати. Я же вас не представил. Это — Громила, а это — Хлю, серьёзный малый из племени смоукеров. Приехал развязать Третью Магическую. Шучу, конечно.

Хлюпик шаркнул ножкой. Громила осторожно похлопал его по плечу.

— Друзья моих друзей — мои друзья. А чего ты пиво не пьёшь?

— Непривычное оно какое-то...

Громила хохотнул:

— Ничего, поживёшь в Биг Бэби — привыкнешь!

— У тебя полотенца есть в доме? — крикнул откуда-то Иннот.

— Пошарь в корзине, там у меня чистые, — откликнулся Громила. — Слушай, парень, не сгоняешь пока за пивом? А то у меня сегодня вечеринка намечается, а осталась только неполная упаковка. Надо ещё хотя бы парочку взять.

— Э-э... Я схожу, конечно — если ты скажешь куда.

Громила хлопнул себя ладонью по лбу. Звук получился громким.

— Ах да, ты же здесь новичок! Вот, смотри, — он увлёк Хлюпика к окну. — Видишь, там река? А вон за тем домом — отсюда не видно — через неё есть мост. Вот под этим мостом продаётся хороший сорт — «Двойное Золотое». Возьми пару упаковок. Только в таких вот банках, а если «Золотого» нет, возьми «Речного бандита», только не тёмного, а светлого. Идёт?

— Идёт. — Хлюпик ничего не понял из слов Громилы, но про себя решил, что просто возьмёт такие же банки, как и у него.

— Подожди, я дам тебе что-нибудь накинуть. На, держи. — И он протянул Хлюпику кусок белой ткани.

Тот с недоумением осмотрел его.

— Да ты просто завернись, вот так, — Громила показал. — Сейчас какую-нибудь застёжку найдём.

— Не надо. — Хлюпик полез в поясную сумочку и достал свой талисман. — У меня вот что есть.

— О, клёвая штука! — Громила покрутил звёздочку в пальцах.

В его громадных лапах она казалась совсем маленькой.

—Возьми там мелочь на столике. На пиво с лихвой должно хватить, — обезьянец махнул лапой.

Хлюпик сгрёб горсть монеток и ещё раз украдкой бросил взгляд на лежащий на полу глянцевый журнал. Впервые в жизни ему страстно захотелось присвоить чужую вещь...

Когда благоухающий мылом и одеколоном Иннот вышел из ванной, на ходу вытирая шевелюру мохнатым полотенцем, Громила возлежал на диване и, прикрыв глаза, вслушивался в ритмичные басы. Магнитофон помаргивал разноцветными огоньками.

— А где Хлю? — озадаченно спросил Иннот.

— За пивом побежал, — небрежно сказал Громила. Иннот подпрыгнул.

— За пивом!!! И ты пустил его одного!!!

— А что такое? — Громила удивлённо посмотрел на Иннота.

— Да он же... Ему же... Он же только из Леса, балда!

— Э-э... Но ты же сам сказал, что парнишка серьёзный! Вот я и подумал... — эту фразу он договаривал уже в спину Инноту.

Тот, вихрем вылетев из квартиры, побежал вниз.

* * *

Хлюпик бодро вышел из подъезда и двинулся вдоль набережной, ловко уворачиваясь от встречных прохожих. Теперь, когда он никуда не спешил, можно было рассмотреть их получше. Все люди здесь были закутаны в разнообразные, ярких расцветок одежды. Рядом с ними Хлюпик чувствовал себя почти раздетым — и это несмотря на то, что кусок ткани, наброшенный на плечи наподобие плаща и скреплённый красной звёздочкой, казался ему явно излишним. В Вавилоне было тепло, даже жарко, куда жарче, чем в Лесу, — тут ведь не было дающих тень листьев. Лица встречных вавилонян поразили Хлюпика каким-то странным, неуловимым общим выражением усталой озабоченности, словно каждого поджидало где-то тяжёлое и неприятное дело.

Он подошёл к мосту. В этом месте гранитный парапет исчезал, а мостовая лесенкой спускалась вниз, образуя там довольно широкую площадку. Большую её часть занимала дощатая хижина, крышей которой служил мостовой настил. В хижине были сделаны окошки, доверху заставленные разнообразными банками, бутылками, кувшинчиками... Чего там только не было! У Хлюпика буквально глаза разбежались. Внезапно он заметил знакомый силуэт — из такой же банки он отхлебнул неприятной шипучей дряни у Громилы.

— Дайте мне вот такую, — попросил он, встав на цыпочки и заглядывая в одно из окошек.

— Вот такую чего? — неприязненно переспросила сидящая в хижине тётка.

Лицо её украшали странные, соединённые тонкими палочками гнутые стеклышки. От этого глаза тетки казались выпученными, как у лягушки.

— Ну вот такого, как вот в этих банках! — Хлюпик для наглядности несколько раз ткнул пальцем в банку за стеклом.

— «Двойное Золотое», а не «вот такое вот», — брюзгливо сказала тетка. — Понаехали тут из лесу на наши шеи! Тебе сколько?

.— Две. То есть две связки... Упаковки, — вспомнил он незнакомое слово.

— С тебя сорок восемь монет, — тетка порылась внизу и вытолкнула Хлюпику пиво.

Он расплатился и, сжимая неудобные упаковки в руках, пошёл к лестнице. Внезапно дорогу ему загородила тощая фигура. Хлюпик поднял глаза. Перед ним стоял какой-то тип с гнусной улыбочкой на костлявом рябом лице. В уголке его рта перекатывалась туда-сюда камышинка, бесцветные глазки смотрели словно бы сквозь Хлюпика.

— Э-эй, куки-и! — неприятно растягивая слова, гнусаво проговорил он. — Отойдём в сторонку, а-а?

— Тебе чего? — удивлённо спросил Хлюпик.

— Да ты не бойся, куки-и. — Тип всё подталкивал его куда-то за ларёк.

Там в густой тени громоздились высокие штабеля пустых ящиков. Из-за них вышли ленивой походочкой ещё несколько личностей и взяли Хлюпика в кольцо. Происходящее вдруг живо напомнило ему вчерашнюю сцену на острове — точно так же кипадачи окружали их с Иннотом.

— Чего вам надо?! — стараясь, чтобы голос не дрожал, спросил Хлюпик.

— Де-еньги у тебя еэ-эсть? — спросил кто-то.

— Ну, есть немножко, — желая удостовериться, Хлюпик похлопал себя по поясной сумочке. Там зазвякало. — Только это не мои... А что?

— Давай сюда-а, вот что, — ответили ему.

Внезапно стоявший перед ним резко толкнул Хлюпика в грудь. Тот отшатнулся назад, и сразу же в его руки впились чьи-то пальцы, а жесткий локоть перехватил шею, мешая дышать. Тот, кто говорил с ним, полез руками ему под плащ, прямо к поясной сумке. Хлюпик выпустил, наконец, упаковки с пивом и лягнул его ногой. Тут же локоть так сдавил ему шею, что на глазах выступили слёзы. И тогда Хлюпик изо всех сил запустил в него свои зубы.

Стоявший сзади заорал. Хватка ослабла, и красный взъерошенный Хлюпик отскочил к ящикам.

— Эта тварь меня укусила! — изумлённо сказал один из негодяев (в том, что это негодяи, Хлюпик теперь не сомневался). — Да я его... В речке закопаю!

— Отойди-ка, — тот, кого Хлюпик лягнул, небрежно отстранил поделыщика и, сделав неуловимое движение, извлёк, словно бы из воздуха, длинный и узкий нож.

Лезвие тускло блеснуло.

— Ну что-о, куки-и? Сейчас тебе будет больно-о! — кривляясь, протянул негодяй.

Остальные подались в стороны, освобождая место. Хулиган с ножом несколько раз ловко перекинул его из руки в руку и вдруг резко взмахнул перед самым носом Хлюпика — тот еле успел отшатнуться. Лезвие чиркнуло по плащу и легко распороло его. В какой-то момент Хлюпик почувствовал кожей холодок металла.

— Сейчас ты буде-ешь бледны-ый! — поведал ему негодяй.

А Хлюпика вдруг захлестнуло странное чувство. Смоукеры вообще народ очень мирный; и даже нанесённая обида заставляет их не сжимать кулаки, а тянуться за трубкой. Хлюпик же не дрался ни разу в своей жизни; он даже шуточных потасовок старался избегать. Он не знал, как назвать эту горячую, едкую волну, вдруг поднявшуюся, словно рвота, откуда-то из самых глубин его существа и выплеснувшуюся на поверхность. Его ладонь нащупала застёжку плаща — ту самую, взятую из дома старую красную звёздочку. Пальцы крепко охватили ставший вдруг горячим талисман и сжались изо всех сил. В мгновенном озарении Хлюпик понял, почему лучи у неё сделаны чуть скруглёнными — если бы они были острыми, то уже прокололи бы ему кожу.

А потом он оторвал руку от застёжки и выбросил вперёд, словно швыряя камень. Красный сполох осветил изумлённое лицо негодяя и расплавленный, стекающий яркими медленными каплями нож в его руке, а в следующий миг и само лицо вздулось жуткими пузырями и почернело — только белые зубы сверкали на нём. Хлюпик с каким-то отстранённым интересом наблюдал, как его собственная ладонь, зачерпнув воздух у груди, швырнула его во второго негодяя. Тот вспыхнул весь сразу, будто пропитанный смолой факел, и, нелепо растопырив руки и ноги, полетел спиной в воду, подняв фонтан брызг и облако пара. Остальные разбойники кинулись врассыпную. Кто-то прыгнул в реку, кто-то метнулся вверх по лестнице. Внезапно за ларьком сверкнула синеватая вспышка, и рядом с Хлюпиком оказался Куки. То есть Иннот, поправил себя Хлюпик.

— Живой?! — Иннот тяжело дышал. Грудь его блестела от пота, набедренная повязка сидела как-то криво.

— Вполне... — Хлюпик говорил медленно. Странное горячее чувство ярости и торжества ушло, оставив после себя слабость и лёгкий звон в ушах. Иннот подошел поближе и заглянул в лицо (если это ещё можно было назвать лицом) того, кто стоял перед Хлюпиком.

— Ёпперный театр!!! — Челюсть Иннота отпала, и он едва ли не со страхом посмотрел на приятеля. — Это ты его так?!!

— Это всё она, — Хлюпик вяло ткнул пальцем в застёжку плаща.

Иннот моментально понял, о чём он.

— Так. Ясно. Давай-ка двигать отсюда, — он схватил Хлюпика за край плаща и потянул за собой.

При этом он задел обугленного негодяя — и тот вдруг рассыпался: там, где он только что стоял, осталась лишь кучка пепла. Хлюпик ошеломленно оглянулся и тут же споткнулся о тело, валявшееся на ступеньках.

— Этого я завалил, — бросил Иннот, таща за собой Хлюпика.

Они бегом поднялись наверх. Иннот провёл приятеля какими-то дворами, и в дом Громилы они вошли с чёрного хода.

— Слушай, а как... Что это такое было? — наконец, опомнился Хлюпик.

— А чего тебе непонятно? — Иннот пожал плечами. — У тебя оказался очень мощный талисман, и в трудную минуту ты смог к нему воззвать.

— Но я ни к кому не взывал, — возразил Хлюпик.

— Это тебе так кажется. Ты воззвал, а он ответил. А вообще-то сегодня у Громилы собираются друзья, так что ты скорее всего сможешь получить исчерпывающее объяснение от специалиста. Если только старина Афинофоно соизволит прийти, конечно.

— Ну что, цел твой кореш? — приветствовал их Громила. — Не пропал?

— Ты не поверишь, — Иннот покачал головой. — Он сам там двоих уконтропупил!

— Вот видишь! У парня хватка профессионального каюкера, а ты за него боялся. Пива принесли?

Хлюпик охнул. Он совсем забыл о цели своего похода.

— Оно, наверное, так там и лежит, — задумчиво сказал Иннот. — Я сейчас...

— Да сиди уж! Я сам схожу, — остановил Иннота хозяин. — Заодно посмотрю, чего вы там натворили на пару...

Глава 5

Помело, выписывая лихие виражи, неслось по воздуху. Внизу сверкала в лучах солнца разлившаяся река. Наконец, среди множества островов показался нужный. Ведьма заложила над ним круг и пошла на снижение. Посреди изрытой, истоптанной поляны лежала её ступа. «С виду целёхонька, — подумала ведьма. — Если бы они мне её раздолбали — я бы не знаю, что с ними сделала. Я вообще-то и так не знаю, что с ними сделаю, но всё же... Э-э... Ладно, хорошо, что ступа цела».

Плавно погасив инерцию, метла застыла в метре от земли. Неловко спрыгнув с неё, Перегнида поскользнулась на влажной траве и ткнулась носом в землю.

— Проклятие! — пробормотала она, поднимаясь.

От травы чуть заметно тянуло неприятным тяжелым запахом. «Готова спорить на что угодно, здесь не обошлось без обезьянских пиратов». Тут в протезе что-то зашевелилось, толкаясь в культю ноги. Раздражённая ведьма отщёлкнула его, не садясь, и в результате вынуждена была сделать пару неуклюжих прыжков, чтобы сохранить равновесие. Из отстёгнутой костяной ноги, пятясь задом, выбрался чёрный кот. Он сделал несколько шагов на разъезжающихся ногах, после чего его стошнило.

— Ну и чего тебе не сидится на одном месте?—пробормотала ведьма, пристёгивая ногу обратно. Коту явно было плохо. Он прилёг на траву и чуть слышно промяукал что-то. — Ась?! — ведьма приставила к уху ладонь. — Укачало, говоришь?! А кто виноват? Кто тебя вниз головой ехать заставил — я, что ли?

Кот поднял на неё полные немого укора глаза.

— Ну я, — несколько смущённо припомнила ведьма. — Ладно, это не смертельно. Отдыхай пока.

Вцепившись в края ступы, она с натугой подняла её и поставила вертикально; затем придирчиво изучила механику: наступать второй раз на одни и те же грабли она не собиралась. Внезапно внимание ведьмы привлекло какое-то пятно среди травы. Подойдя, она с любопытством разглядела втоптанный в грязь брезентовый рюкзак. Вытащив и расправив его, она прикрыла глаза и медленно провела над тканью рукой. «Так-так-так... Похоже, ты служил хозяину долгое время, дружок. А значит, впитал его эманации. Ну что же, транспорт свой я вернула. Теперь осталось только поквитаться за одну маленькую шутку».

— Хозяйка... — подал голос кот. Ведьма отмахнулась.

— Э-э... Хозяюшка... Выйди, пожалуйста, из транса на минутку...

— Ну что тебе, мерзкое животное... — гневно начала Перегнида и вдруг осеклась.

Из-за кустов к ней подкрадывались, угрожающе занеся копья, голые коричневокожие люди. Ведьма подбоченилась, усмехаясь и вызывающе глядя на них.

— Я только хотел обратить твоё внимание на этих типов, хозяюшка, — смиренно сказал кот.

— Вам чего, мальчики?! — непринуждённо улыбнулась Перегнида.

Воины кипадачи (а это были они), не отвечая, стали брать ведьму в кольцо.

— Будете наказаны ректально! — предупредила она.

Круг копий стал сужаться.

— Ну как хотите. — И ведьма, зажав двумя пальцами нос, пробормотала своё фирменное проклятие «Обосраться и не жить».

На лицах кипадачи появилось выражение крайнего изумления. Спустя мгновение занесённые копья стали выпадать из ослабевших рук и втыкаться в землю; дикари, слабо постанывая и держась за животы, опускались рядом. Те, кто был в задних рядах, успели, шатаясь, сделать несколько шагов и скрыться под сенью листьев; теперь оттуда доносились тяжёлые

утробные звуки. Ведьма, старательно дыша ртом, закончила свою работу. Теперь завершить поиски не составит труда. Она огляделась вокруг. «А ребята, похоже, профессиональные воины. Может, стоит их использовать? Давненько я никем не командовала...» Эта мысль так понравилась ведьме, что она немедленно решила привести её в исполнение. Тонкий длинный палец ткнул по очереди в три ближайших тела. Они тотчас перестали стонать и неуверенно поднялись на ноги.

— Ну что, поговорим, как интеллигентные люди? — предложила ведьма, ухмыляясь.

— Ты опозорила нас, — хрипло выговорил один из воинов. — Теперь мы должны умереть. Жизнь больше не имеет смысла.

— Это успеется. — Ведьма прислонилась спиною к ступе и скрестила руки на груди. — А сейчас расскажите мне, кто вы такие и что здесь произошло.

— Исцели сначала моих людей, — угрюмо сказал кипадачи. — Или хотя бы убей их. Мне невыносимо видеть такой позор.

— Да что ты знаешь о позоре, щенок! — разозлилась ведьма. — Ты и понятия не имеешь о том, что это такое! А отвечать тебе всё равно придётся, хочешь ты или нет. Поэтому я ещё раз повторю свой вопрос, а потом устрою вам маленькую пытку.

— Кипадачи не боятся боли! — гордо ответил воин. — А то, что ты с нами сделала, — ты уже сделала!

—Малыш... а ведь ты пока ещё даже не представляешь, что такое генеральный дрист... — ласково промолвила ведьма. — Понос такой силы — это уже не понос, но реактивный двигатель! Так что? Будем долго и напрасно страдать?

— Ладно, спрашивай, — пробурчал кипадачи.

— Вот и славненько. Вопрос первый: кто вы такие?

— Мы — воины! Непобедимые кипадачи, лучшие из лучших!

— Так. А что здесь произошло? Я так понимаю, вы встретились тут с двумя типами, верно?

— Да, это так, — кипадачи потупил взгляд. — И один из них победил моего брата. Брат со стыда отправился на бескрайние поля Джа, а я, никчёмный, ещё жив. Позволь мне умереть достойно, колдунья!

Перегнида досадливо отмахнулась.

— А что было потом?

— Потом на нас напали летучие обезьяны. — Лицо воина сморщилось, как будто он разжевал лимон. — Эти создания напрочь лишены чести и пользуются недозволенными приёмами — совсем как ты. А затем, на страх обезьянам, река породила водяного дракона. И он убил многих, не разбирая, где благородные кипадачи, а где гнусные животные. Летучие обезьяны убрались восвояси, а наш вождь решил уйти с этого острова. Нас оставили в засаде.

— На кого?

— На тех, кто прятался под этим ведром, — кипадачи кивнул на ступу. — Они украли нашу священную реликвию, и вождь сказал мне так: раз твой брат потерял своё имя, позволив чужаку победить себя, ты должен вернуть нам талисман племени. Тогда имя будет возвращено твоему брату.

— Так он же вроде умер?

— Посмертно.

— Гм... Ну вы и придурки. Ладно, крошка. Что скажешь, если мы друг другу немножко поможем?

— Кипадачи не нуждаются в помощи!

— Ага. Значит, ты решил сидеть на этом островке всю оставшуюся жизнь? Должна тебя огорчить: они сюда не вернутся. А ступа эта — моя.

— Они оставили здесь свои пожитки, — не сдавался кипадачи. — Значит, они придут.

—Эти, что ли? — ведьма пнула Иннотов мешок. — А что они там у вас украли, а?

—Священную реликвию... — не очень уверенно ответил воин. Его вдруг посетили сомнения: — И ещё траву великого Джа...

— Какую ещё траву?

— Безбожники из Великой Деревни называют её мата-мар.

— Умат-кумар! — Ведьма расхохоталась. — Да, они не скоро сюда вернутся! Очень не скоро! А много ли было травы?

— Два мешка, — подал голос другой воин. — Вот таких. — И он показал руками размеры, вызвав у ведьмы новый приступ весёлости.

Отсмеявшись, она вытерла глаза.

— Если вам интересно: у меня свои счёты с этими двумя, и я собираюсь их найти. Они подались в Вавилон, это и дураку понятно. Куда им ещё деваться с двумя мешками умат-кумара! Я, как вы уже могли убедиться, колдунья и также ни в чьей помощи не нуждаюсь — по большому счёту. Но если мы объединимся, то сможем сделать дело быстрее. И учтите: если я вполне справлюсь и одна, то вы — нет. Вавилон — город большой. Очень большой. Почти как Лес. Ну так что скажешь?

На лице кипадачи, обычно каменно-неподвижном, теперь ясно читалось мучительное раздумье. Наконец, придя к какому-то решению, он тряхнул курчавой головой.

— Хорошо, колдунья. Кипадачи принимают твоё предложение. А теперь расколдуй моих воинов.

— С удовольствием. — Ведьма щёлкнула пальцами. Стоны и вскрики тут же прекратились. Недоверчиво придерживаясь руками за животы, дикари поднимались на ноги.

— Ну и вонь, — недовольно пробормотал кот, подходя к хозяйке.

— Ступайте хорошенько вымойтесь. — Перегнида залезла в ступу. — Кстати, как вас зовут?

— Меня — Йоо; моих братьев — Эрей и Хадзме. А эти... — кипадачи кивнул на остальных, — пока не заслужили имен.

— Ничего, заслужат, — пообещала ведьма. — В случае чего, я сама им придумаю.

Запрыгнувший вслед за хозяйкой кот тихо фыркнул.

* * *

Хлюпик блаженно улыбался и пускал к потолку колечки табачного дыма. Трубка — небольшая, но очень удобная, приятно согревала его ладонь. В такие вот моменты друг Пыха и говорил авторитетно: «Жизнь удалась!» Он возлежал на тахте в комнате-квартире Громилы. Иннот пристроился напротив, развалившись в кресле с тем самым журналом, который так смутил Хлюпика, и с видом знатока рассматривал его. Изредка он поворачивал журнал так, чтобы Хлюпик мог видеть изображение, и спрашивал: «А как тебе вот эта?» — в ответ на что Хлюпик лишь смущённо отмахивался. Он уже успел устать от многочисленных вавилонских соблазнов. Гости Громилы с удовольствием покуривали умат-кумар: Иннот щедрой рукой отсыпал из мешка в глубокую глиняную миску, и теперь любой желающий мог просто подойти и взять, сколько ему хотелось. Собственно, гостей пока пришло трое: загорелый усач Фил («Не некрофил, не зоофил, и уж, конечно, не педофил, а просто Фил» — именно так он представился Хлюпику), потом Кактус — они с Иннотом долго смеялись и хлопали друг друга по плечу, а Хлюпик с интересом разглядывал глянцевую тёмно-зелёную кожу Кактуса — такую расцветку он видел впервые. Ещё пришла Джихад — высокая, сухопарая девица, от которой, казалось, прямо-таки исходила опасность. Впрочем, Иннот с удовольствием обнимался с ней, а сама Джихад с весёлым интересом поглядывала на Хлюпика. Насколько он мог понять, и она, и Кактус были каюкерами, так же, как и его приятель. По поводу Фила хозяин, рассмеявшись, сказал, что он просто хороший малый. Ещё ждали какого-то загадочного Афинофоно, который должен был вот-вот подойти, но всё задерживался. Пиво лилось рекой — даже Хлюпик за ком-

панию употребил свою порцию, не получив, впрочем, от этого особого удовольствия. В центре внимания оказался Иннот. Все наперебой расспрашивали его о путешествии; из отдельных реплик Хлюпик понял, что приятель не просто так оказался в Великом Лесу, а вроде бы от кого-то там скрывался. Осторожный Кактус при этом выражал сомнение в том, что неведомые враги Иннота оставят его в покое, а Джихад только кривилась и обзывала Кактуса перестраховщиком.

— Слушай, а чего ты рыжий? — внезапно Хлюпик понял, что не давало ему покоя последний час: волосы Иннота, раньше зелёные, теперь цветом напоминали огонь в очаге.

— Всё просто, парень: защитная окраска! — Приятель подмигнул ему. — Когда ты отправляешься в Лес, лучше всего быть незаметным. У меня есть такое специальное средство — коробочка с мазью из микроскопических водорослей. Стоит намазать ею голову, как водоросли облепляют каждый волос и меняют его цвет. И подкрашиваться не надо: по мере того как волосы растут, водоросли тоже размножаются. Так что рыжими остаются только самые корни, остальное прокрашивается. У тебя с твоими тёмными волосами такой проблемы, конечно, нет.

— А теперь ты просто смыл эти водоросли?

— Ну да. Водой их не смоешь, а Громилиным шампунем — очень даже.

— Вот у меня с мимикрией вообще полный порядок, — встрял Кактус. — Стоит только сбросить одёжку, и я запросто сольюсь с листвой.

— А тебе-то зачем?! — рассмеялась Джихад. — Ты ведь из города не вылазишь!

— Ну, мало ли что может случиться, — ухмыльнулся Кактус. — Наеду не на того, как Иннот, и придётся устроить себе долгие каникулы. Кстати, мелкий! Ходят жуткие слухи, что тебе вынесли дверь и разгромили твоё жильё. Это правда?

— Ага. Только меня к тому моменту уже не было в городе. Как только мы с Кашлюном просекли, что дело пахнет керосином, я сразу смотался.

— А Кашлюну-то каюк, — тихонько сказал Громила.

Иннот широко раскрыл глаза.

— Да ты что?! Я-то был уверен, что он слинял и до сих пор где-нибудь отсиживается!

— Увы... Такой сверхосторожный парень, а опасность недооценил. Решил залечь на дно в городе, ну его как-то и вычислили.

— И кто его?

— А это вопрос интересный, — Кактус цыкнул зубом, — Люди болтают, что подписали самого Подметалу.

— Подметалу?! Да это же легенда, блин! Нет никакого Подметалы! Ты бы ещё про Старую Контру вспомнил! Или эту, как её, «Веспа Крабро»! Тоже мне, общество любителей городского фольклора!

— А что за Подметала? — вмешался Хлюпик.

— Да болтовня это! — Иннот раздражённо стукнул ладонью но колену. — Бабушкины сказки! Ну, якобы существует такой Подметала, который может заделать каюк абсолютно любому, эдакий суперкаюкер.

— А народ говорит, что он есть, — Джихад отхлебнула пива. — Лично я думаю, что это какая-нибудь тайная организация, члены которой пользуются одним и тем же псевдонимом.

— Почему ты так решила?

— Да уж больно крутой каюкер получается. Просто ухайдакер какой-то. И никто ничего о нём не знает, и каюк он всем по-разному заделывает. Точняк, организация.

— А я считаю, это какой-нибудь маг. Не Великий, конечно, но тоже очень мощный. Отсюда и таинственность, и удачливость, — Кактус многозначительно поднял палец.

— Маги, тайные организации... Вы все просто обкурились, ребята! Куда я, блин, попал! — Иннот шутливо схватился за голову. — У этого вон кренделя вообще видения. — Он кивнул на Хлюпика.

— Оу, правда?! — Джихад присела на корточки, с интересом уставившись на него. — Расскажи, если не секрет!

Хлюпик покраснел.

— Ну, понимаешь, когда мы делаем глубокий смоук, иногда у некоторых случается такое, — от смущения он говорил сбивчиво, и Джихад недоумённо нахмурилась.

— Что такое глубокий смоук?

— Это когда они курят, — вмешался Иннот. — Так ведь?

— Ну, нет. Просто покурить — это одно; а сделать смоук — это совсем другое.

— А в чём разница-то?

— Когда делаешь смоук, надо определённым образом настроиться, — пояснил Хлюпик. — Для начала тебя ничего не должно смущать или там тревожить. Ты должен сосредоточиться на том, что ты делаешь. Настоящий смоук лучше всего получается, когда куришь трубку или чилим; но даже если просто сворачиваешь самокрутку, то должен делать это очень тщательно, с полной концентрацией. И ни в коем случае нельзя спешить; иначе никакого смоука не выйдет.

— А в чём смысл всего этого?

— Если смоук получился, на тебя снисходит благодать Никоцианта, духа табака. Ты сразу же успокаиваешься, можешь гораздо глубже понять все свои проблемы и найти пути их решения. А если смоук глубокий, то иногда получается пообщаться с духом табака напрямую. Обычно это происходит неожиданно; и далеко не со всеми, конечно.

— Ну а для чего это вообще нужно? — Джихад вздёрнула узкие сабельные брови.

— Э-э... Ну, Великий Табачный Дух Никоциант способен научить правильной жизни. Если будешь к нему прислушиваться, станешь правильным смоукером, и все будут тебя уважать.

— Ничего себе! Целая религия, как я посмотрю, — уважительно сказал Кактус. — Вроде растафарианства, только вместо умат-кумара — табак, да? Вы так его называете?

Хлюпик кивнул.

— Круто! А вот если из кальяна курить, получится тогда смоук?

— Конечно, получится! — Хлюпик едва не свалился с тахты. — У нашего племени есть священный кальян; он хранится у Большого Папы. Но курить его имеют право только старейшины, да и то не всегда. Только по праздникам или если надо решить какую-то важную проблему. Для всего племени важную, я имею в виду. А вообще, если Папа приглашает кого-нибудь покурить кальян, это знаете какая большая честь! О-о!

— А в Бэбилоне ты можешь запросто купить себе кальян и курить его хоть каждый день, — тоном змея-искусителя произнёс Иннот. — Только из него обычно курят умат-кумар, а не табак.

Хлюпик недоумённо уставился на Иннота.

— Как это — купить?! У вас что, тоже есть кальяны?!

— Ты сейчас мальчику всё мировоззрение поломаешь, — сказал Кактус.

— Ничего, пусть привыкает. А как ты сам думаешь, Хлю, откуда у Папы этот кальян взялся?

— Не знаю, — растерянно сказал Хлюпик. Мысль о том, что такая великая вещь вдруг оказалась общедоступной, совершенно его ошеломила.

— Да купил его ваш Большой Папа здесь где-нибудь! В одном из магазинов «Дерибасе» или в какой-нибудь другой лавке! Понимаешь, Хлю, это же Бэбилон, — Иннот наклонился к растерянно моргавшему Хлюпику. — Тут всё продается и покупается. Хошь, кальян; хошь, этих вот, — он потряс в воздухе журналом. — Только плати монетки! Поэтому за ними все так и охотятся. И зарабатывают, и воруют, и каюк запросто могут заделать.

Хлюпик задумался. У них в деревне обладание каким-нибудь предметом не считалось чем-то очень уж важным — кроме курительных принадлежностей, конечно. Любую вещь

можно было сделать самому, потратив на это некоторое время; ну а трубка являлась скорее показателем социального статуса, чем просто предметом. Но вот кальян... Кальян был мечтой любого смоукера. Даже не владеть им, а просто покурить...

— И дорого... Дорого он стоит? — хриплым шёпотом спросил он у Иннота.

Тот пожал плечами:

— Ну, наверное, недёшево; но у тебя денег хватит и не на такое.

— Каких денег? — удивился Хлюпик. — У меня их вообще нет!

— Будут, Хлю! Нам только надо продать наш умат-кумар. Завтра мы этим и займёмся; а потом подыщем себе жильё, прошвырнёмся по магазинам... Заодно и кальян тебе присмотрим.

— Так этот кумар, наверное, долго продавать придётся... — Хлюпик представил себе, как они с Иннотом будут ходить по улицам с лотками, полными сушёной травы, и внимательно следить, чтобы их никто не толкнул и не украл ни горсточки.

Такая перспектива заставила его поёжиться.

— Почему долго? — недоуменно спросил Иннот и, выслушав сомнения приятеля, расхохотался. — Ты что, думаешь, мы вразвес торговать будем?! Нет, парень, — продолжал он, отсмеявшись. — Я ещё не настолько крутой, чтобы умат-кумар толкать с лотка. Это же вообще-то незаконно, сечёшь?

— Незаконно? В смысле — нельзя?

— В смысле — можно, но очень осторожно. Вот мы и продадим его осторожненько нужному человеку. А уж как он будет им распоряжаться дальше, нас не касается.

— А где мы найдём такого человека?

— Ну, это раз плюнуть, — вмешался Громила. — Ты бы лучше вот о чём подумал, Иннот: если сезон охоты на тебя ещё не закрыт, то после того, как ты засветишься с травкой, у тебя возникнут серьёзные проблемы.

— С чего бы? Я думаю, тем, кто убрал беднягу Кашлюна, до меня уже нет дела. Всё-таки полгода прошло! А мой неудавшийся клиент вообще, наверное, обо мне ничего не знает.

Громила покачал головой и хотел было что-то сказать, но тут в дверь забухали удары:

Бум!

Бум!

Бум! Бум! Бум!

Бум! Бум!

Бум! Бум!

Бум!

Бум!

— О! Это Афинофоно. Он всегда так стучит! — обрадовался Иннот.

— Откройте там! — крикнул Громила.

Джихад поправила волосы и откинула защёлку. Вошедший тут же звучно с нею расцеловался.

— Ты бы звонок, что ли, поставил! — крикнул он Громиле. — А то каждый раз весь дом на уши встаёт, наверное!

— Ничего, они уже привыкли, — махнул рукой Громила. — А всякие там звонки-глазки я терпеть не могу. Излишества...

— Ты как раз вовремя, старина! У нас с другом будет к тебе профессиональный вопрос. — Иннот, улыбаясь до ушей, приглашающе похлопал по тахте.

Афинофоно подошел. Был он высоким — как Джихад — и удивительно светлокожим. Прямые светло-русые волосы аккуратной чёлкой спускались на лоб; на глазах Афинофоно носил такие же странные стёклышки, как и давешняя тетка в ларьке. Лицо волшебника казалось совсем молодым; с первого взгляда Хлюпик принял его почти за своего ровесника. Но, вглядевшись, понял — такое впечатление обманчиво.

— Все друзья безжалостно эксплуатируют мои профессиональные навыки, — улыбнулся Афинофоно, присаживаясь на краешек тахты. — И при этом наотрез отказываются мне за это платить.

— Но зато они бесплатно поят тебя пивом! — Иннот вручил гостю банку. — Слушай, старина, дело вообще-то серьёзное: у малого оказался какой-то могущественный талисман, а что это такое, мы не знаем. Хлю, покажи.

Хлюпик снял с груди звёздочку и протянул Афинофоно. Тот аккуратно принял её двумя пальцами. Хлюпик удивлённо вытаращился: звёздочка, ничего не касаясь, парила над ладонью волшебника, словно бы лёжа на невидимой подушке.

— Понимаешь, я ведь не специалист, — заговорил Иннот, будто оправдываясь. — Активной магии, по-моему, в ней нет. Но аура очень сильная и какая-то... вязкая, что ли? Ты чувствуешь?

Афинофоно, не отвечая, аккуратно положил звёздочку на столик и раскрыл принесённый с собой саквояж. Оттуда он извлёк небольшую тёмную коробочку. Внутри неё было несколько деревянных кубиков со странными знаками, нанесёнными на грани разноцветной тушью. Афинофоно один за другим вынимал их и ставил на стол таким образом, чтобы они образовывали вокруг звёздочки правильный квадрат. Когда был поставлен четвёртый кубик, звёздочка плавно поднялась в воздух и зависла в нескольких сантиметрах над поверхностью стола. Друзья заинтересованно наблюдали за происходящим. Афинофоно взял ещё один кубик, подержал его немного и отпустил. Тот тоже завис в воздухе. Волшебник проделал то же самое ещё раз. Тут Хлюпик заметил, что остальные кубики мелко-мелко подрагивают. Афинофоно подвесил ещё один кубик. Вибрация заметно усилилась, возник жужжащий звук. Волшебник взял последний кубик, в раздумье покатал его между пальцами и, наконец, решительно поставил на воздух. Секунду-другую ничего не происходило; парящая звёздочка казалась заключённой в центр некой невидимой клетки с кубиками по углам. Затем с громким треском кубики брызнули в разные стороны. Послышался звон бьющегося стекла. Звёздочка упала обратно на столик. Громила оторвался от пива и недовольно крикнул:

— Эй, там, шарлатаньте потише! Вы мне весь дом разнесёте!

Афинофоно покачал головой и прищёлкнул пальцами. Кубики, разлетевшиеся по квартире, подкатились к волшебнику и самостоятельно, один за другим, запрыгнули в коробочку. Афинофоно спрятал её в саквояж и с интересом спросил Хлюпика:

— Откуда у тебя такая штука?

— Она была в нашей семье давным-давно. Просто реликвия...

— И ты ничего о ней не знаешь?

— Не-а...

— Сегодня парень с её помощью поджарил какую-то шпану, — встрял Иннот. — Так что штука непростая. Я же говорю — талисман.

— Это не талисман, — возразил Афинофоно. — Это медиатор.

— Медиатор?

— Ну да. Талисманы — они либо обладают неким собственным магическим зарядом, либо способны активировать волшебные силы у своего владельца, — Афинофоно потёр подбородок. — А медиатор — это что-то вроде канала, по которому ты получаешь силу; причём совершенно неважно, волшебник ты или нет. Поэтому, кстати, ты и не уловил в нём магии — когда канал перекрыт, её просто нет. Это как вода в кране, понимаешь? Вообще такие штуки сейчас — очень большая редкость. Где, интересно, ваше племя живёт? — обратился он к Хлюпику.

Тот пожал плечами и вопросительно посмотрел на Иннота.

— Они обитают примерно в полутора днях полёта от Бэбилона в направлении на юго-восток. Может, чуть меньше, не скажу точно.

— Если на юго-восток — это, должно быть, Лиловые горы. — Афинофоно задумался.

— Нет, гор там нету, скорее уж холмистая равнина.

— Всё равно, предгорья недалеко. Понимаешь, с теми местами связана какая-то история; вот только сейчас не вспомню какая. Надо покопаться в книгах. Но в общем, понятно — эта штука принадлежала кому-то из сражавшихся во Второй Магической. Она связана с источником неких сил и может в нём их черпать. И здесь, возможно, скрыта опасность, — обратился он к Хлюпику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.